

Парадокс следования правилам и его последствия для метафизики

Джоди Аззуни

2017

Оглавление

1	Введение	5
2	Версия Крипке парадокса Витгенштейна и его решение	11
2.1	Постановка проблемы: три ограничения любого решения	11
2.2	Почему интроспективных ресурсов недостаточно	15
2.3	Как три ограничения Крипке блокируют диспозиционные подходы	17
2.4	Попытка защиты диспозиционных подходов	19
2.5	Почему прямое социологическое решение не работает	21
2.6	Условия не истинности, но утверждаемости	22
3	Две версии Робинсона Крузо	25
3.1	Сообщество идиолектов	25
3.2	Робинзоны в эмпирически благоприятных обстоятельствах	27
3.3	Робинзон с двумя наборами сознательных диспозиций	30
3.4	Что для Крузо-2 ”лучшее соответствие миру”?	31

Глава 1

Введение

Аннотация Здесь я дам краткое содержание всей книги и проясню несколько методологических моментов, а также укажу причины избегания таких терминов как "понимание", "значение" и "факт". Я опишу некоторые существенные различия моего понимания соблюдения правил от такового Крипке, например — и в этом разница между моим подходом и подходом большинства занимающихся этой темой философов — я уделяю большое внимание "следованию правилам" в его применении к задачам в ходе взаимодействия с миром, и этого его отличия от, например, разного рода арифметических упражнений вроде сложения чисел.

Центральным теме этой книги — "парадоксу следования правилам" — является термин "понимание": как в выражениях "она понимает, как складывать", "он понимает, как продолжать считать числа больше десяти" и "она понимает эти концепции". Уместно предупреждение касательно такой методологии: "понимание" здесь обозначает поразительно сложную человеческую способность, включающую субличные, сознательные/феноменологические, социологические и нормативные элементы. Понятие это слишком сложное для *использования* в философском анализе — должно скорее быть его *объектом*. Это, впрочем, едва ли единственное такое опасное в своей сложности слово: еще одной ловушкой могут стать "объяснение" и "смысл". Причем даже повторяющиеся и очевидные неудачи, похоже, не мешают философам продолжать попытки строить сколь-нибудь точный анализ на таком песчаном фундаменте.

Куайн редко комментирует свой подход к занятию философией — даже его признания натурализма и экстенционализма довольно специфичны по содержанию и применению — и тем не менее, я нашел у него редкую методологическую медитацию, стоящую *запоминания*. Куайн (1981, 184) пишет:

Согласно описанию моих взглядов Шуденфреем: "предложения заменили мысли, а склонность к согласию заменила веру". Имеет ли он ввиду отсутствие для меня большего чем вера и мысли? Читая дальше, понимаю, что так и есть. Значит он неверно меня понял.

Куайн продолжает:

Позиция моя в том, что понятия мысли и веры — достойные объекты философского и научного анализа — и столь же плохи как этого анализа инструменты. Если кто-то решается их таковыми использовать, то загадкой для меня остается что же, как он счел, более нуждается в анализе чем они сами.

Но давайте все же придерживаться термина "понимание", раз уж именно ему эта книга непосредственно посвящена. Общим для нескольких философских традиций является предположение основанности всякого понимания набора концепций на понимании правил, этими концепциями управляющих. Это, похоже, отражает понимание значений слов и, например, концепций из таких простых математических практик, как счет. Хороший пример здесь — шахматы: как только человек усвоит правила игры, он поймет, как в играть вне зависимости от обстоятельств.

Некоторые сторонники такого подхода говорят о нас как об обладающих "предрасположенностью" к пониманию этих правил и даже этих правил (будущих воплощенных в предрасположенностях) обладателях и что предрасположенности эти позволяют нам вести себя соответствующим

образом в ситуациях при проявлении такого рода "понимания" — например, при подсчете апельсинов в корзине.

Огромное количество литературы посвящено так называемому "парадоксу следования правилам" — противоречию аспектов нашей практики естественной картине нашего понимания правил. Крипке (1982), например, развил масштабную философскую индустрию вокруг проблем, которые, по его мнению, Витгенштейн поднял для всякого подхода, обосновывающего понимание простых математических правил применением набора диспозиций. (Крипке, впрочем, не претендует на однозначную присущность этой точки зрения Витгенштейну; и он, и другие, понимают что она ему, возможно, не принадлежит, откуда и пошел термин "Крипкенштейн". Я избегаю этого термина, предпочитая использовать такие фразы как "Витгенштейн Крипке" или контекст.)

Проблема следования правилам, вкратце, такова: мы понимаем себя как следующих правилам и, пройдя соответствующую подготовку, действительно на это способных. Но средства, с помощью которых мы понимаем себя способными, согласно Крипке, не подходят для этой задачи. Кандидаты на развитие такой вот способности следовать правилам это, например, интроспективное их понимание, разные привычки и склонности их выполнять в рамках соответствующих задач и т.д. — кандидаты эти показаны Крипке как неспособные гарантировать все необходимые элементы нашей компетентности в этом правилам следовании. Он отвечает на парадокс "скептическим решением" — допускающим неудачу "смыслового скептика" и меняющим понимание нашей практики следования правилам несколькими важными способами. Среди этих способов отказ от понимания значения в терминах "условий истинности" и замена их "условиями утверждаемости" — условиями с точки зрения соответствия индивидуальных практик следования правилам таковыми сообщества.

Версия парадокса Витгенштейна о следовании правилам, предложенная Крипке, оказала большое влияние. Один из вопросов которые я буду рассматривать — это как она была понята как подрывающая индивидуалистскую картину математической практики — точку зрения, согласно которой отдельные люди (буду называть их "*Робинзонами Крузо*") независимо от сообщества могут осмысленно заниматься математикой и, значит, иметь "приватные языки". Парадокс отрицает применимость фраз вроде "правильный подсчет" к таким людям, потому что эти нормативные понятия осмысленно применимы только относительно стандартов сообщества.

Одним из исходных элементов моего альтернативного "скептического решения" будет отрицание этого шокирующего следствия: оно не следует даже если витгенштейнианские возражения Крипке против диспозиционных подходов к следованию правилам по большей части верны. Это потому, что мое решение не будет ставить стандарты сообщества выше индивидуальных. Более того, оно не будет заменять условия истинности условиями утверждаемости, что важно для решения Крипке, отдающего предпочтение сообществу. Вместо этого мой подход фокусируется на том, как склонность к следованию правилам позволяет нам более или менее успешно взаимодействовать с миром. Предположим, что их практики демонстрируют склонности, которые меняются, постепенно оптимизируя успешные события (например, расчет необходимого на несколько дней количества еды). Тогда соответствие между индивидуальными следованиями правилам возникнет даже без явной связи этой практики с сообществом¹.

Льюис (1983) в статье почти столь же влиятельной, как таковая Крипке (1982), связывает рассматриваемую версию парадокса с тогдашним антиреализмом Патнэма (1981) и предлагает общее решение. Он настаивает на подходе почти полностью встраивающем в ссылки на термины естественного вида (а также на математические термины вроде "сумма") *предпосылку* метафизических ограничений на возможные их расширения и утверждает, что она *необходима* для ответа и на рассматриваемый парадокс, и на антиреализм Патнэма. Последующее поколение аналитических метафизиков назвало такой ответ "референциальным магнетизмом". В главе 4 я покажу, что семейство таких Льюизианских подходов к проблеме (далее подходы "референциального магнетизма") — не работает и даже не требуется.

Льюис не использовал термин "референциальный магнетизм", фраза эта, видимо, пошла от Ходса (1984, 135), вопрошающего, как так получается, что

мы все в конечном итоге говорим на языках, в которых из всех возможных нумераторов (то

¹Чтобы не перегружать объяснение и сделать его более ясным, я здесь пока опускаю детальное описание того, как это работает. В последующих главах эти детали будут прояснены.

есть функций F 2ого типа, переносящих концепты 1ого типа на объекты, где для любых из этих концептов X и Y верно $F(X) = F(Y) \equiv (Q_E x)(Xx, Yx)$ словосочетание "количество ..." означает стандартный нумератор? Почему стандартный нумератор является "референциальным магнитом", "подтягивающим" ссылку с помощью этой фразы (чего не могут сделать его нестандартные конкуренты)?

"Референциальный магнетизм" — вещь тонкая, так что неудивительно, что последующее поколение философов превратило его истолковало.

Вот схема глав книги.

В главе 2 я возвращаюсь к обсуждению Крипке парадокса следования правилам для диспозиционных подходов к числовой компетентности, а также к альтернативному решению парадокса приписываемого им Витгенштейну. Соображения этой главы — в значительной степени исходные соображения Крипке. Меня при этом не беспокоят вопросы витгенштейновской экзегезы — насколько корректно Крипке присваивает парадокс Витгенштейну² — его формулировка проблем, стоящих перед смысладиспозиционалистом, важна вне зависимости от присущести Витгенштейну. Есть, впрочем, два изменения. Во-первых, в рассуждениях Крипке центральным примером выступает субъект, практикующий арифметическое сложение, и скептический вызов о согласованности всего известного и испытанного им ранее с возможностью им практики на самом деле чего-то от сложения отличного, я же заменяю сложение более элементарной задачей — задачей счета — и соответствующей возможностью практиковать на самом деле что-то от него отличное. Это, конечно, незначительное изменение, и Крипке (1982, 17) сам мимоходом поднимал вопрос о счете.

Второе же изменение уже существенное и ключевое для моего решения парадокса. В моем случае центральный пример о субъекте, который считает *вещи*, то есть в его задаче используются *не только* числа. Дети так и учатся считать: они *применяют* числа к задачам распознавания количеств предметов, и на приобретение таких знаний уходит несколько лет³. Это важно из-за рассмотрения многими философами "социальных решений" парадокса, приоритизирующих сообщество над индивидуумом, как единственных успешных. Одна из причин такого рассмотрения — пренебрежение соображениями о применении математических концепций *в мире*. Точно так же применение математики к миру находится по большей части за кулисами дискуссий Крипке и — как побочный эффект — за кулисами дискуссий многих этой литературы комментаторов.

В творчестве же самого Витгенштейна это не столь закулисно — он часто приводит примеры про людей, считающих предметы. Да и Крипке тоже обращает внимание на "числовые размеры" наборов подсчитываемых предметов, когда мимоходом обсуждает "зчет" в рамках текста Витгенштейна. Но если подсчет *предметов* занимает центральное место в примерах которым скептики бросают вызов, то становятся заметны вполне последовательные формы приватно-языковых практик. В частности, *понятие диспозиций приводящих к когерентным таким практикам*, которое я ввожу в главе 5, не опирается ни на что за пределами контекста применения концепций к вещам в мире. Поэтому, конечно, мое скептическое решение парадокса не годится для бестелесных картезианских сущностей, от скуки вечно считающих числа в уме.

Оставляя в стороне эти разногласия с Витгенштейном Крипке, добавлю, что я частично согласен с одной важной леммой, которую Крипке выводит и парадокса и которую он (1982, 78-79) изредка подтверждает:

Надо отказаться от "естественной предпосылки" что осмысленные повествовательные предложения должны соответствовать фактам.

Добавляя:

Прежде чем мы сможем приступить к скептической проблеме, надо прояснить картину этого соответствия фактам.

Я частично с ним согласен — соображения следования правилам указывают на необходимость признания несоответствия *некоторых* значимых повествовательных предложений фактам. Впрочем,

²По этому вопросу, впрочем, есть литература, например: Блэкбор (1984), Гольдфарб (1985, 1992), Макдауэлл (1984), Тейт (1986)

³Тщательное изучение этого вопроса с цитированием соответствующей литературы см. в Кэри (2009) и Баттерворт (1999), глава 3, разделы 1-4. Классическим исследованием является Гельман и Галлистел (1986)

не думаю, что это установлено для *всех* таких предложений. В главе 6 я покажу, почему соображения следования правилам требуют лишь *частичного* отказа от корреспондентской метафизики. Обсуждение это в то же время подкрепит мою особую форму дефляционизма относительно истины⁴.

Здесь стоит отметить еще вот что. Диспозиционалистская надежда на посвященность значительной части анализа Крипке (1982) дроблению, находит *основания* отношения соответствия между значимыми истинными предложениями и фактами в "разуме" (в широком смысле этого слова) человека, следующего правилам. Есть факты *о человеке* и его *возможностях*, которые и определяют отношения соответствия значимых истинных предложений фактам в мире. Но, думаю, соображения следования правилам указывают на неудачу этого диспозиционного проекта: диспозиции *бессильны* в том, чего большинство диспозиционалистов от них требует, и получается так во многом по причинам, приведенным Крипке от имени Витгенштейна.

Я отвергаю, однако, главный тезис, который многие отсюда выводят. Крипке упорно говорил о себе как о всего лишь толкователе, но множество философов утверждают, будто соображения вроде представленных в главе 2 необходимо приводят к соотнесенности или воплощенности стандартов следования правилам вообще и математической практики в частности в *обществе*, в котором человек эти правила изучает. Как говорит сам Крипке (1982, 109):

Что действительно отрицается, так это то, что можно было бы назвать "частной моделью" следования правилам — моделью, в которой понятие следующего данному правилу человека надо анализировать просто с точки зрения фактов об этом правилу следователе и только о нем, то есть не отсылая к сообществу.

Одна из целей этой книги — показать, что несмотря на правоту Крипке относительно природы парадокса и последовавших на него ответов, модель приватного следования правилам остается этим парадоксом не затронутой. Контуров логического пространства в этой проблемной области более запутанны и тонки чем мыслители конца прошлого века осмеливались полагать.

В общих чертах обрисовав изложение Крипке его способа решения парадокса — его, значит, интерпретацию Витгенштейна о замене условий истинности условиями утверждаемости, — я в последующих главах приведу доводы в пользу уже другого — не приоритезирующего общественные стандарты над индивидуальными — решения. Также в этой главе я покажу неуспешность диспозиционного подхода, расширяющего круг необходимых диспозиций до обладаемых всеми в обществе.

В главе 3 я рассмотрю диспозиционно-смысловые языки — действительно приватные языки. Их носители (называю их "Крузовцами") — в отличие от нас — относят каждое слово к тому, к чему их предрасположенности склоняют их его применять. Я далее начинаю исследование сферы применения таких языков и показываю как понятия вроде "ошибка", "обоснование" и "концепция" в них если и остаются, то лишь в некой скромной форме, впрочем эти результаты не столь существенны для приватного следования правилам. Во всяком случае, в этой и в 5ой главе покажу как они или в них необходимость нивелируются в таких приватных языках. Еще в этой главе я рассмотрю содержание фраз вроде "согласованность с миром" и "разрезание мира по стыкам" для носителей этих языков. Неожиданным выводом будет возможность использования таких языков для взаимодействия с миром при широком диапазоне благоприятных эмпирических обстоятельств, и более того — носители этих языков могут объективно сравнивать разные диспозиционно-смысловые языки чтобы определять, какой из них лучше взаимодействует с миром. Они, впрочем, не будут использовать понятия вроде "лучшего соответствия" языка миру или "правильности" применения слова. Здесь следует указать, что "благоприятные эмпирические обстоятельства" значит нечто большее чем просто характеристики внешнего мира потому что они также охватывает эмпирические факты о, например, механизмах *развития*⁵ диспозиций таких говорящих.

⁴См. Аззуни (2006) и гл. 6 этой книги. Интерпретация приведенной выше формулировки Крипке затруднена его фразов "должен подразумеваться". Я считаю, что осмысленные повествовательные предложение могут и даже "должны" претендовать на соответствие фактам — и это совместимо даже с некоторыми из тех, что не столь уж соответствуют. (Убедительность этого толкования, конечно, зависит от значения термина "смысл" — оно, все же, не совсем ясно, не ясно также, исключает ли "уборка" Крипке "корреспондентность" полностью или лишь частично.) См. обсуждение использования идиом знания/неведения в разд. 2, а именно сноски 15 гл. о моих способах маневрирования среди всего этого.

⁵Есть забавное следствие моего решения парадокса, на которое укажу лишь в рамках этой сноски: возникает проблема с пониманием искусственных языков как неких полезных инструментов, которые, значит, можно принимать и отвергать в зависимости от целей (такое понимание описано у Карнапа (1956)). Ведь как можно сравнивать достоинства и недостатки

В главе 4 я сделаю паузу в анализе диспозиционно-смысловых языков, чтобы контраргументировать решения поставленных мной перед такими языками проблем касаясь отсылок к наборам вещей в мире, основанные на референциальном магнетизме. Здесь же я рассмотрю три его версии. Первая понимает структуру мира метафизически обеспечивающей ресурсы для дополнения того, что люди в сообществе приносят для определения отсылок. Наши слова (концепты) имеют определенное значение, выходящее за пределы психологических и нейрофизиологических ресурсов любого человека и даже за пределы того, с чем любое таких людей сообщество могло бы справиться. Вторая понимает интерпретаторов естественных языков так, как того требует — наряду с базовой научной практикой — семантическая теория для наложения определенной референции на этих языков термины и на естественные виды как на корреляты видовых терминов этих языков. Третья понимает *априорное* конститутивное навязывание естественных видов как требуемое в качестве "единственной игры в городе" муровскими фактами определенной референции и предполагающими определенную референцию семантическими теориям. Разумеется, ничто из этого не защищает от референциального магнетизма, что я и показываю.

В главе 5 я представляю окончательную версию моего Крузо (Крузо 5) — он психологически близок нам тем, что не понимает свой язык *как* диспозиционно-смысловой, ведь его диспозиции к использованию терминов ему (как и нам) неведомы. Я показываю, однако, как его осознание возможности использования терминов для улучшения своего благосостояния позволяет ему навязывать последовательные стандарты этой своей приватной языковой практике.

Более подробно язык Крузо-5 я изучу в главе 6, показав способ применить к нему стандартную семантику функциональной истинности и то, как Крузо-5, подобно нам, естественным образом может использовать идиому истинности. Это должно продемонстрировать, что "скептическое решение" Крипке через замену условий истинности условиями утверждаемости — не единственное такое решение парадокса. Замена эта, впрочем, нужна для вывода о невозможности приватных языков.

В главе 7 я завершу то, что не завершил до этого: разберу методологическую роль точки зрения Бога в моем подходе к оценке последователей приватных правил. Для этого я рассмотрю два возможных взгляда на языки Крузо (и наши языки): первый понимает их как постоянно меняющиеся в отношении того, к чему относятся их термины, а второй считает референцию фиксированной. Противопоставив их, я покажу, в чем смысл точки зрения Бога⁶.

Далее я рассмотрю *следствия* моего решения парадокса для корреспондентской метафизики. Если кратко: эмпирически обоснованная метафизика *возможна*. Что же невозможно, так это пресуппозициональная роль такой метафизики в философских объяснениях эмпирического успеха или в семантике.

Ну и наконец, я концептуально свяжу парадокс с проблемой индукции Юма.

таких языков не прибегая к некоторому метаязыку? Именно здесь эта загадка и решается.

⁶Впервые я предложил эти различные способы рассмотрения работы языка в Аззуни (2000), Часть IV.

Глава 2

Версия Крипке парадокса Витгенштейна и его решение

Аннотация В этой главе рассматривается описание Крипке парадокса Витгенштейна и его решение. Интерпретация Крипке вызвала довольно много критических комментариев, но меня парадокс представленный Крипке интересует в отрыве от интерпретационной корректности. Здесь я рассмотрю две дистинкции: прямые и скептические решения и обосновывающие факты и факты соответствия, а так же три ключевых момента. Во-первых — три требования Крипке для прямого решения парадокса: бесконечности, обоснования и ошибки. Во-вторых — почему прямое социологическое решение не работает. И в третьих — некоторые критические комментарии касательно следования правилам, возникшие после публикации соответствующей книги Крипке.

2.1 Постановка проблемы: три ограничения любого решения

О том, кто успешно посчитал разные наборы объектов, мы можем сказать, что он научился считать. Это значит предположить, что он при следующих случаях будет продолжать считать "так же", несмотря на возможно новые виды предметов и большее их количество.¹ Пусть его научили системе счисления — правилу образования новых нумералов из предыдущих. Системы нумералов разительно отличаются этим от наборов словесных названий чисел в большинстве языков², потому что вторые обычно относятся к финитной записи чисел, требующей явного создания нового словаря для все больших чисел. Однако в системы счисления создание обозначений для все большего количества цифр уже встроено. Итак, как только субъект обрел способность считать и освоил определенную систему счисления, мы говорим что он *понимает*, как считать³.

Пусть например теперь он пытается сосчитать предметы набора большего чем всякий до этого встречавшейся — набора из 57 предметов — и получает правильный ответ. Крипкианский скептик оспаривает, что этот ответ соответствует предыдущему пониманию задачи счета нашим испытуе-

¹Некоторое неявное знание, нужное для успешного этой задачи выполнения, рассмотрено Гельманом и Галлистом (1986, 77-82) как принципы подсчета: "количественное слово", "нерелевантность порядка" и "абстрактность": последнее слово в подсчете и есть количество подсчитанных предметов, потому порядок и вид считааемых объектов не важен. Описание процесса подсчета и трудностей приобретения соответствующего неявного знания см. в Кейси (2009, стр.241-244).

²Рассмотрение типов числовой лексики в разных языках см. в Баттерворт (1999, особенно стр. 52-62).

³Дети, кстати, способны схватить неопределенную природу чисел, не выучив настоящую систему счисления. Например, Кэри (2009, 252) цитирует слова одной пятилетней девочки, представляющие спонтанное изобретение аргумента в пользу бесконечности числового ряда: "Предположим, вы считаете тысячу самым большим числом, но вы же можете сказать тысяча и один, тысяча и два и так далее". Я в своем изложении предполагаю, что испытуемый все же освоил систему счисления, потому что это помогает избежать сложностей с числовыми языками, превосходящими знания испытуемого о самом числе. Да и в нашей культуре дети в любом случае со временем осваивают системы счисления. Это достижение трудно еще и из-за возможной путаницы с сопоставлением терминов системы счисления со словами-числами естественного языка. (См., например, многочисленные по этому поводу результаты Деэна и его коллег. Некоторые из полученных ими данных указывают на потерю определенных способностей с в то же время сохранением других после инсультов и других специфически локализованных травм головного мозга.)

мым: в прошлом, он говорит, испытываемый никогда не считал — он зчитал⁴.

Для ответа скептику что испытываемый субъект и в этот раз зчитал и, значит, его ответ про 57 согласуется с предыдущими касательно меньших наборов предметов, нужны факты о субъекте, лежащие в основе ее предыдущего и нынешнего понимания счета. Здесь для описания фактов — касающихся, например, диспозиций субъекта — фактов, которые объясняют, к чему приходит его понимание, я ввожу термин "обосновывающие факты".

Некоторая терминология Я отличаю "факты соответствия" от "обосновывающих фактов": первые — это предполагаемые факты внешнего мира, которым соответствуют истинные осмысленные предложения, а вторые — психологические/диспозиционные факты о субъекте или окружающей его среде, обеспечивающие его способность понимать истинные осмысленные предложения, и, значит, определяющие эти предложения как понимаемые соответствующими фактам внешнего мира. Как вскоре будет ясно, вызов смыслового скептика напрямую оказывает давление на предполагаемые обосновывающие факты, и это, в свою очередь, подрывает факты соответствия.

Слово "факт" похоже на те коварные слова, с указания на которые я начал общее введение. Я не собираюсь использовать его в философском смысле, в частности, говорить о сущностях-*фактах*, которым соответствуют предложения (полагаю, что в метафизическом смысле *нет ничего* чему бы они соответствовали). Просто в некоторых из них есть термины, которые отсылают друг к другу, и то, что эти термины обозначают, называется "фактами". (См., однако, главу 6 с уточнениями этой идеи для работы с распространенными случаями предложений с несоотнесенными терминами).⁵ Я также не имею в виду метафизически нагруженное понятие "граундинга" или что там еще обсуждают во всякой сложной литературе, которая расцвела в последнее время.⁶ "Факт", "обоснование/граундинг" и "обосновывающий факт" в моем случае обычные дотеоретические термины.

Еще одна терминология требует описания: Крипке различает "скептические" и "прямые" решения парадокса следования правилам. Прямые направлены на поиск фактов, обосновывающих то или иное понимание субъектом счета. Скептические же признают, что обосновывающие факты не существуют и объясняют понимание субъектом счета как-то иначе.

Назад к диалектике Как уже отмечалось, именно предполагаемые обосновывающие факты (или система таких фактов) объясняют истинность того, что в прошлом субъект понимал, как считать, а не как зчитать. Эта модель обосновывающих фактов *связана* с субъектом — либо с его психическими состояниями, либо с публичными событиями или структурами, лежащими в основе психических состояний, позволивших ему научиться считать. Обосновывающие факты о понимании субъекта должны давать ответ на вопрос: как психологические состояния субъекта — что он думал, столкнувшись с задачей — позволили ему понять, что он считает, или: как нейрофизиологические и прочие публичные репрезентации активируются для счета.⁷

⁴См. также Гельман и Галлисел (1986, 51), где рассматривается схожий интересный мысленный эксперимент.

Стратегия Крипке, заключающаяся в подрыве намерений субъекта через подрыв его намерений в предыдущих случаях, подвергалась широкой критике и, как мне кажется, часто неверно понималась. Форбс (1983-1984, 225-226), например, в своей интерпретации пишет: "утверждение об отсутствии факта о намереваемом субъектом в прошлом двусмысленно: либо у него не было определенного намерения в прошлом, либо намерение было, но неясно, такое же ли, что и сейчас". Но контекст то явно указывает на верность первого варианта прочтения. Вызов субъекту со стороны скептика ведь в том, что, возможно, он зчитал, а не считал — вызов этот, значит, подрывает темпоральную идентичность намерений через подрыв всяких фактов о прошлом как определяющих соответствующее в настоящем. И факты о настоящем в противовес прошлому аналогичны таковым в прошлом — они так же неспособны отличить счет от зчета. С другой стороны, Богосян (1989, 515) понимает эту загадку Крипке как вопрос о том, что вообще определяет условия содержания и смысла — "[обладание] условием корректности", тогда как загадка Крипке лишь косвенно, через вопрос о намерениях субъекта в прошлом, касается этого. Это, конечно, явно неправильное прочтение. Как верно отмечает Форбс (1983, 226), это Райта (1980) (а не Крипке) интересует определяющее условия содержания или значения. (Форбс считает утверждение Райта "более прямым и сложным", чем таковое Крипке, и, думаю, он так считает из-за непонимания стратегии Крипке.)

⁵См. также Аззуни (2012с).

⁶См., например, Коррейя и Шнайдер (2012).

⁷Кэри (2009), например, предлагает «онтогенетическое» описание того, как ребенок — уже обладающий врожденными публичными когнитивными системами (параллельное выхватывание небольших наборов и квантификаторы естественного языка), применимыми к конкретным числовым задачам — может в течение полутора лет с помощью индукции и аналогии (так называемая «Квайнианская самонастройка») понять некоторые важные свойства чисел, например бесконечность их ряда, и научиться применять их в подсчете предметов. Поразительная особенность парадокса следования правилам, как мы увидим, в очевидной нерелевантности эмпирической гипотезы Кэри и ей подомных, предложенных учеными-когнитивистами, для его решения.

Крипке, я считаю, налагает три ограничения на объяснение структуры обосновывающих фактов — диспозиционных или других — которые составляют понимание субъектом счета, и, значит, ответ смысловому скептику.⁸ *Требование бесконечности.* Любой субъект насчитал лишь конечное число наборов предметов, так что предполагаемая его способность считать всякие другие наборы провоцирует следующие размышления. Во-первых — он, возможно, считал только, например, яблоки и груши, во-вторых — он, возможно, считал только наборы из не более чем 57 предметов. Однако ясно, что его навыки счета подразумевают способность считать наборы отличные от прошлых и количественно и качественно, а если испытуемый не осознал эту нейтральность счета и почему-то чувствует, что не может сосчитать, скажем, красные предметы или предметы в определенных коробках или больший чем всякий предыдущий набор предметов, то, очевидно, что-то не так. Возможно он систематически пропускает числа, начинает заново при достижении какого-то числа или даже фиксируется на определенном числе как на ответе и говорит что остальные объекты не в счет.⁹ Под "пониманием" мы ведь подразумеваем способность решить всякую задачу по счету, сколь бы она не отличалась от уже до этого решенных.

Второе ограничение — это *требование обоснования*: когда испытуемый посчитал предметы и так узнал их количество, его ответ оправдан. Ему *следовало* продолжать так же, учитывая его *осмысление*, не случайно его способ счета дает ожидаемый ответ.

Не менее важно и то, что взрослые и дети убеждены в своей оправданности в таких ответах — они ведь *считают*, что научились считать, что поняли, что *значит* "счет", и если кого-то спросить, *почему* он считает именно так, он ответит "Потому что *так* это и делается" или "Потому что *это и есть* счет" или "Потому что *так* принято". Если ребенок или взрослый считает каким-то странным, необычным образом, он будет оправдываться указанием на одинаковость ответов полученных его способом и обычным.¹⁰

Обратите внимание, что предложенные обоснования — что это *так* и делается и т.д. — за исключением редких случаев, феноменологически достоверны, т.е. субъект, изучив процедуру счета, не будет уже колебаться относительно ее корректности и сразу даст объяснение: "Это *и есть* счет". И мы также принимаем это его оправдание от третьего лица и говорим "Он *понимает*, что значит "счет"" или "Он умеет считать".

И здесь есть одна тонкость. Согласно моему описанию "обоснования", у нас обычно есть *два* ключевых ожидания от субъекта в отношении счета или какой-нибудь другой задачи. Во-первых — если он умеет считать, то все что он при этом делает, согласуется с его *намерением* (с тем, что он *имеет в виду*). Иногда ведь мы терпим неудачу в выполнении задачи именно из-за *несоответствия* между *делаемым* и *намереваемым*: не делаем того, что "должны" были сделать. ("Посмотри что ты наделал! Разве ты *этого* хотел?") Второе же ожидание в том, что то, что субъект делает — действительно *считет*. Могут ведь произойти и другие ошибки: субъект может неправильно решить поставленную задачу, решив, что ему "нужно" делать что-то отличное от того, что действительно нужно. "Нужность" здесь иная: дело не в том, что он должен был действовать так, как он поступил, учитывая, что и как он понимал, а в том, что он намеревался выполнить одну задачу, но следовало то ему намереваться выполнить другую. Феноменологическая уверенность, значит, ощущаемая при выполнении поставленной задачи, включает оба ожидания и оттого двумя способами и может быть подорвана.

⁸Гинсбург (2011, 228) приводит три возражения, которые она (и другие) выдвинула Крипке против диспозиционной теории, возражения эти напоминают (хотя и есть существенные отличия) требования, которые, согласно моему прочтению, он предъявляет к обосновывающим фактам.

⁹Конечно, некоторые из этих "ошибок" происходят во время обучения счету, но не большинство. Дети проходят определенные стадии по мере приобретения навыков счета, и ученые-когнитивисты говорят о них как "знающих один", "знающих два", "знающих три", "знающих четыре", "знающих подмножество" и, наконец, "знающих количественный принцип". "Знающие одно" умеют отличать один объект от многих, но не могут пока различать наборы предметов по количеству предметов в них, аналогично "знающие два" умеют еще различать наборы из не более чем двух предметов по эти предметов в них количествах, и т.д.. Также на определенном этапе освоения навыков счета дети пропускают числа, но, научившись считать, уже никогда этого не делают. Подробное описание этих процессов и ссылки на соответствующую литературу см. в Кэри (2009) и Баттерворт (1999).

¹⁰"Я сначала группирую их по пять штук, потому что такие группы проще распознать, затем считаю их и умножаю на пять" — такое описание может дать ребенок, и дает он его ровно потому что уверен в одинаковости результатов этого его нового метода и обычного (строгого перечисления).

Не так уж много литературы есть об этой "нормативности" касательно соблюдения правил и того, насколько нагруженной она должна быть.¹¹ Я буду понимать ее в ее тонком, облегченном варианте. "Обоснование" же буду понимать как *согласованность* того, что *имеется в виду* субъектом, и того, что им действительно делается. То есть требование обоснования значит достаточность "встроенного" в то, что субъект имел в виду, для подтверждения соответствия того, что он делает — тому, что он имел в виду. Это и лежит в основе его феноменологической уверенности — он может "объяснить", почему им делаемое и есть им намереваемое и другими от него требуемое. То есть здесь фигурирует как многообразие того, что *имеется в виду* — оно определяет соответствующее поведение, — так и *наше* понимание этого значения и им подразумеваемого.

Требование обоснования тесно связано с *требованием ошибки*: наша уверенность в способе и результатах счета справедлива с точностью до случайной ошибки. Любой ведь может ошибиться при подсчете предметов и так получить неверный ответ — в этом нет ничего необычного. Мы, однако, четко отличаем такую ошибку от непонимания концепции счета, и — что особенно важно — даже систематические ошибки от случаев недостаточного усвоения счета и случаев когда *с субъектом* просто что-то не так.

Отвлечясь и проглядеть какой-нибудь предмет или дважды его посчитать — значит ошибиться. Другое дело, когда испытуемый из раза в раз намеренно считает, например, все красные объекты дважды. Если он при этом действительно думает, что считает, то, похоже, он не понимает что значит считать, а иногда даже можно сказать, что и неспособен этому научиться. Важный признак ошибки — возможность ее *признания*. ("Вы пропустили вот этот" — "Упс, сейчас исправлю".)

Как бы мы ни описывали способность конкретного субъекта считать и как бы мы его диспозицию, приобретенную в ходе обучения счету, ни характеризовали, надо оставить место для способности давать *неправильные* ответы и этих ответов *неправильность признавать*. Странно, конечно, называть это способностью, но именно таково требование. Мы часто получаем неправильные ответы, даже прекрасно разбираясь в счете, и любое описание схемы обосновывающих фактов нами используемых для объяснения способности считать — способности, раз уж на то пошло, выполнять любую данную задачу — должно оставлять место для возможности ошибок и возможности этих ошибок распознавания.

Следует еще раз подчеркнуть, насколько ошибки — даже систематические к ним *тенденции* — совместимы с нашим пониманием таких понятий как счет, сложение, вычитание, умножение и деление. Некоторые люди просто потрясюще хорошо считают — быстро и точно и даже большие числа — но вряд ли можно сказать, что они как-то более глубоко и точно *понимают* саму концепцию счета. Они, наверное, знают больше соответствующих трюков и обходных путей и *запомнили* больше фактов о числах, да и просто быстрее оперируют ими. Даже кто-то вроде меня, кто почти гарантированно допустит какую-то элементарную ошибку, считая в уме или даже на бумаге, не считается плохо разбирающимся в *понятиях* счета, сложения и т.д.. Что же *действительно* требуется, так это способность *распознать* допущенную ошибку — без этого субъект не может считаться полностью усвоившим рассматриваемые концепции.¹²

¹¹ Дебаты о "нормативности содержания" или "нормативности значения" — т.е., как нормативность участвует в следовании правилам и определении значения, — впрочем, продолжаются. Некоторый взгляд на нормативность значения приписывается и Крипке, потому что, например, согласно Гинзбург (2011, 228), он утверждал, что "человек, *склонный* или бывший *склонен* определенным образом реагировать в определенной ситуации, не обязательно *должен* так реагировать". См., например, Богосян (1989, 2003), Глюер (1999), Викфорсс (2001). Как я уже говорил (и еще буду повторять), "нормативность", "рациональность", "нормы", "правильность" или "уместность" касаются этой темы только в смысле предположения ими успешного следования правилам, а не в смысле приполагания самим следованием правилам какого-то из них. Частично дело в том, что используемое здесь "должен" лишь гипотетично и может быть понято аналогично таковому в, например, "Если хотите жить, вы должны не прыгать с моста". ("Если хотите жить, я бы советовал") Или "если действительно хотите жить, было бы неуместно прыгать с моста, не так ли?" (Представьте, что это говорит ангел-хранитель в фильме, потенциальному самоубийце.) Гиббард (2003, 85) пишет: "... стоит ли нам гулять — может зависеть от погоды, но это ведь не делает погоду нормативной в каком-то особом философском смысле". Итак, здесь я на стороне отвергающих "нормативность значения". Подробнее об этом я говорю в Разделе 2.3.

¹² Как я укажу далее, это требование распознавание хотя и применимо к счету и прочим арифметическим операциям, все же не является обязательным для всякой концепции, которую мы пытаемся понять — даже наоборот: часто смысл термина считается понятным даже тогда когда не понятно, когда некоторые (или даже все) его использования неверны. (Например, я не буду считать кого-то не понимающим концепцию Бога, даже если я не согласен с ним во всем или почти во всем, что он о Боге утверждает.)

2.2 Почему интроспективных ресурсов недостаточно

Я начну с предложения, которое приписываю Витгенштейну Крипке. Дело в том, что ресурсы для понимания счета имеют лишь два возможных источника. Первый — интроспективное понимание, то есть осознание чего-то, равносильное пониманию счета. Второй — склонности к моделям поведения, сознательному или бессознательному. Лишь после признания интроспективного варианта безуспешным, сможем мы обратиться ко второму.

Вспомним смысл вызова скептика: почему субъект всегда считал а не зчитал, что на это указывает? Вполне естественно сначала ответить исходя из первого — интроспективного — варианта. Субъект, например, обычно считается *распознающим* нужную для подсчета закономерность потому что видел некоторое количество примеров и теперь, значит, *видит* как действовать аналогично. Но (Крипке (1982, 18)) ведь никакое конечное число примеров не определяет закономерность полностью. И точно так же любая попытка вменить субъекту осведомленность о правиле или алгоритме, совместимом с предыдущими случаями его применения своих способностей к счету и которое, значит, определяет ответы на последующие задачи — любая такая попытка безуспешна от множественности интерпретаций конечного набора предыдущих задач и корректных на них ответов. Ведь любое такое правило можно понимать по-новому хотя и все еще совместимо с тем, что "имеет в виду" субъект, и со всеми прошлыми его подсчетами.¹³

Из этого теперь видно, как требование бесконечности Крипке исключает естественное описание необходимой модели обоснования фактов в терминах *интроспекции*. Как и отмечали многие философы, проблема не в приобретении способности давать правильные ответы для *бесконечного* числа новых случаев — нет — нужна способность давать правильные ответы для *новых* случаев вообще. Даже если испытуемый во второй раз сталкивается с тем, что кажется нам точно таким же заданием на счет, он все же может сделать что-то другое, но при этом описать это как "то же самое". (Ну ведь и правда — второе задание, может, он решает уже во вторник, а не в среду, или в полнолуние, а не в новолуние, во всяком случае он *позже* это делает.)¹⁴

Проблема в том, что возможные ментальные состояния, охватывающие понимание правил посредством воплощения их в лингвистических формах — даже если с использованием кванторов — или во что-то другое, например, в мысленных образах — визуальных, кинестетических, или как воспоминаний о ранее выполненных задачах — эти возможные ментальные состояния, тем не менее, надо *применить* к текущей, новой, задаче. И то, как они применяются, указывает на то, *как они интерпретируются* — это не что-то заранее фиксированное тем что сейчас можно интроспектировать. Многие думают, что это урок Витгенштейна (1958) из параграфа 139 и близлежащих. Патнэм (1981, 20) излагает его так: "Феноменологи не видят, что хотя описываемое ими является внутренним *выражением* мысли, *понимание* этого выражения — понимание собственных мыслей — это, тем не менее, не *явление*, а *способность*".¹⁵

Здесь следует выделить несколько моментов. Как широко отмечалось (например, Райт (1989, 109)), для оценки достаточности интроспективных ресурсов для определения соответствия того, что имеет в виду субъект сейчас, тому, что он имел в виду раньше, Крипке идеализирует сознательный доступ к своим прошлым психическим состояниям, как бы давая субъекту знать *все* о своей прежней психической жизни и поведении, так что *воспоминания о своих намерениях* становятся частью интроспективных ресурсов, и тогда, конечно, можно не сомневаться, что субъект именно считать намеревался, а не зчитать. Он, возможно, явно думал о слове "считать", например, или само понятие "счет" как-то иначе задействовалось в ее мышлении — через образы или понимание примитивной

¹³Крипке ставит проблему смыслового скептика от первого лица, то есть как проблему совместимости моей прошлой практики и нынешнего мышления с "квожением" вместо предполагавшегося сложения. Я же поставил проблему эту от третьего лица и касательно счета и "зчета". Учítывая, что мы обычно позволяем себе описывать феноменологию третьих лиц (во многом так же, как я это и сделал выше), это, думаю, не вызовет каких-то сложностей. Если же читателя использование такой обыденной практики все же не устраивает, он может легко переформулировать мои тезисы и рассуждения в терминах первого лица — это не на что существенно не повлияет.

¹⁴Крипке (1982, 52, сноска 34) неявно признает такую точку зрения, когда цитирует Витгенштейна: "Если я знаю это заранее, какой от этого знания мне прок позже? То есть: как мне знать, что делать с этим более ранним знанием, когда шаг уже сделан?" (Витгенштейн (1956, I, §3))

¹⁵Райт (1984, 771) же более осторожен, говоря: «Интуитивно, понимание выражения скорее способность, чем склонность».

целесообразности делаемого.¹⁶ Почему же подобных воспоминаний может быть недостаточно для ответа скептику, почему нельзя сказать "Это и есть то, что я *имею в виду сейчас*, ведь это ровно то, что я *textit*имел в виду раньше"?

Крипке (1982, 51) действительно отвергает версию, согласно которой, состояние "состояние сложения" является примитивным или *sui generis*, потому что природа состояния *sui generis* остается "совершенно загадочной". Из-за этого его ответа (и его обоснования) некоторые философы обвинили Крипке в предвзятости относительно антиредукционистских ответов смысловому скептику.¹⁷ Гинсбург (2011, 229), например, пишет, что поддерживающие антиредукционизм касательно значения критики возражали, говоря, что "факт намерения или следования правилу следует определять в чисто натуралистических терминах".¹⁸ Это, однако, недооценка мыслшпабы и методы смыслового скептика Крипке, ведь предположение просто таки интроспективного схватывания своих знаний субъектом и такого *схватывания* достаточности для ответа скептику, действительно делает эти интроспективные ресурсы совершенно загадочными. Как, в конце концов, содержимому сознания субъекта (словам публичного языка, словам мысленного языка, ментальным состояниям, образам и чему угодно еще) удастся существовать связанно и репрезентировать *именно эту*, а не другую, вещь? Один из даваемых ответов — некоторые ментальные состояния (или слова, или что-то еще) просто фактически способны на это, в частности, есть *внутренние* смысловые состояния, в которых мы иногда и находимся, *отдавая себе в этом отчет*. Увы, но к чему уж интроспекция явно не имеет доступа, так это к механизму устранения *неоднозначности*. Интуитивность описания Крипке смыслового скептицизма сама по себе показывает, что *все* воспоминания о выполнении определенных задач — воспоминания, *включающие* использования слов, концепций и образов, различные впечатления касательно намерений и правильности делаемого — все они вполне совместимы как со счетом, так и со зчетом. Проблема для субъекта здесь в отсутствии у его интроспективного понимания счета "содержания, достаточного для исключения всех нежелательных интерпретаций его прежнего понимания" (Райт (1984, 765)).

А значит обвинение в предвзятости относительно антиредукционизма некорректно. Скорее уж вариант примитивного (нередуцируемого) смыслового состояния используется в качестве ответа смысловому скептику дважды, и оба раза неуспешно: первый раз он безуспешен в рамках исследования доступных субъекту интроспективных источников, второй — при рассмотрении диспозиционных подходов (это будет обсуждаться в Разделе 2.3).

Прежде чем перейти к диспозициям, дам еще два замечания. Во-первых, некоторые философы обращаются к стандартным нашим способам обобщения конечного числа случаев чтобы применить их к нашему доступу к собственному ментальному содержанию. Например, на основании некоторых наблюдений, мы можем сделать вывод, что все вороны черные. Почему подобное же схватывание общности не может возникнуть от созерцания воспоминаний о предыдущих задачах и их выполнении?¹⁹ Крипке противопоставляет этому важный факт касательно нашего опыта намерения делать что-то конкретное вообще и опыта намерения считать в частности: *это не гипотеза*. (Момент этот, кстати, возникнет еще в качестве возражения против диспозиционных подходов.) Мы просто *знаем* свое намерение — знаем, что имеем в виду — а не выдвигаем индуктивно или как-то еще касательно этого гипотезы. Второе же наблюдения касается схожего возражения смысловому скептику, выдвигаемого Райтом (1984, 776-777):

Особенность нашего интуитивного понятия намерения такова, что скептический аргумент бессилен против него. Намерение — наряду с мыслью, настроением, желанием и ощущением — таково, что субъект имеет к его содержанию непосредственный, авторитетный доступ, и что содержание его может быть открытым и обобщенным так, что относиться ко всем ситуациям

¹⁶См., например, Гинсбург (2011).

¹⁷Богосян (1989, 527), Фодор (1990, 135-136), Макдауэлл (1984) и другие; дополнительные примеры см. в Гинсбург (2011, 229), сноска 5. Следует добавить, что термин "проблема следования правилам" может вводить в заблуждение. Речь ведь о том, что *всякое* в субъекте — ресурс для продолжения того же, что он делал раньше, и ресурс этот не обязательно буквально "правило" или имеющая "значение" часть публичного языка. Это важно, потому что, похоже, некоторые комментаторы понимают Крипке как работающего в рамках какого-то из такого рода ограничений.

¹⁸Действительно, Гольдфарб (1985 например 476) понимает Крипке как бросающего вызов "любой предполагаемой физикалистской редукции значения".

¹⁹См., например, Форбс (1983-1984, 234-235).

определенного рода.

Это, несомненно, корректно характеризует ”феноменологию значения”²⁰, но смысловой скептик успешно оспаривает такого опыта достоверность лишь задавшись вопросом о в этом интроспективном опыте *конкретном* источнике необходимого объема и общности того, что имеется в виду — о том, *что*, значит, определяло, что имеется в виду счет, а не зчет.²¹ Почему вообще наше якобы непосредственное *ощущение* обобщенности и определенности того, что имеем в виду, пригодно в качестве ответа смысловому скептику? Почему тогда убедительность смыслового скептицизма не является само по себе доказательством возможности признания нами опыта намеревания лишь своеобразным интроспективным *долговым обязательством*, исполнение которого зависит намереваемой и реализуемой функции?

2.3 Как три ограничения Крипке блокируют диспозиционные подходы

Именно здесь берутся за тот или иной диспозиционный подход. (Частично для того, чтобы найти ресурсы (*осознаваемые или нет*) у субъекта, которые указали бы на *принужденность* субъекта к определенному намерению — намерению считать, например.) Начну с простой формулировки этого подхода:

ДИС 1 Понять ”счет” — значит быть готовым дать [правильный] ответ на вопрос о количестве предметов в наборе.

Это, впрочем, не работает, потому что совместимо с умением давать правильные ответы в действительности *не* считая. Например, мы (взрослые люди, младенцы и многие животные) не считаем группы из одного, двух или трех предметов, потому что *распознаем* их сразу таковыми.²² А можно ведь представить и того, кто мог бы так *распознавать* наборы любого размера (по, например, заполнению пространства объектами разных форм и размеров). Такой человек мог бы даже не осознавать — и даже не быть способным осознать — возможности линейно упорядочить наборы по количеству предметов в них. Так что следует еще зафиксировать конкретный способ подсчета:

ДИС 2 Если некто освоил ”счет” и его спросили о количестве предметов в наборе, он склонен указать на каждый предмет один за другим, называя числа начиная с ”1” при указании на первый, число следующее за ”2” — при указании на второй, и назвать ответом число, названное при указании на последний.²³

Что ж, давайте посмотрим, насколько ДИС 2 соответствует требованиям Крипке. Начнем с требования бесконечности. И проблема в том, что мы обычно *не* склонны действовать так, как в нем описано — а он ведь требует такого поведения при любых или почти любых обстоятельствах. Если, например, набор достаточно большой и субъект устал считать, то он уже не сможет или откажется выполнять предписания ДИС 2. И это, похоже, верно в отношении всех людей. Вообще, эта их склонность чувствительна не только к размерам наборов, но и к свойствам составляющих их предметов и к общему состоянию субъекта. Если, например, предметы сильно блестят, или расположены слишком близко друг к другу, или очень маленькие, или ползают друг по другу, то субъект будет склонен вовсе отказаться от такого задания (и бежать в попытках спастись), чем прилежно заняться их подсчетом. То есть, если верить ДИС 2, *никто вообще* не освоил счет.

Как отмечает сам Крипке (1982, 30–32), лучше охарактеризовать эту склонность как то, что человек *сделал бы*, будь, например, его мозг больше, а глаза не столь чувствительны... Впрочем и так

²⁰См. также Гольдфарб (1985) и Гинсбург (2011).

²¹Гольдфарб (1985, 474) предполагает, что фрегевский ”непосредственный доступ к сфере чувств” — вполне убедительный ответ смысловому скептику. Тейт (1986), возможно, предлагает тот же ответ (здесь я не уверен). Во всяком случае, кажется уместным замечание Рассела о преимуществах воровства перед честным трудом. Предполагается, что нужно указать, что такого *в субъекте*, что позволяет схватить ему именно счет а не зчет. Указание на определенные умственные его способности в качестве такого признака — это, конечно, не ответ, как и утверждение, что определенные объекты (функции) — просто вещи, которые субъекты *могут* схватить.

²²Это так называемая ”субитизация” и, похоже, она ограничена четырьмя предметам в случае взрослых и тремя — в случае детей и некоторых животных. См. Мандлер и Шебо (1982).

²³ДИС 2 неправомерно выделяет лишь *один* метод. Как уже отмечалось в Разделе 2.1, субъект может овладеть другими подходящими (возможно, упрощенными) методами. Я оставил попытки модифицировать ДИС 2 так, чтобы избежать этой проблемы, потому что модификации эти не повлияли бы на общую диалектическую этой главы траекторию.

модифицированный ДИС 2 не работает: возможно все эти изменения *в нашем строении* заставят нас как раз таки отказаться от правильного выполнения задачи. Мы же не можем гарантировать, что изменения, направленные на, казалось бы, устранение избегания или неправильного выполнения задачи счета, не повлияют на людей каким-то еще другим, мешающим выполнению задач, образом.²⁴

А что насчет третьего ограничения? Можно подумать, что ошибка ДИС 2 в неучтенности того простого эмпирического факта, что мы допускаем ошибки. Мы ведь обычно не требуем от тех, кто еще только учится считать (да и от самих себя), стабильно верного счета при любых обстоятельствах — мы по разным причинам делаем исключения, например когда субъект устал, болен или пьян, или предметы такие, что их неудобно считать, и даже допускаем казалось бы *необъяснимые* неудачи при даже привальном выполнении задания. ("Ой, точно, *о чем я вообще думал?*") То есть несмотря на такие вот отклонения от предписываемого ДИС 2, мы все же обычно готовы признать субъекта умеющим считать. Но почему бы тогда не исключить такие случаи, позволив в них все же считать субъекта умеющим считать?

Потому что это предвосхищает основание против альтернатив. Рассмотрим, например, последовательность* — нечто, отличающееся от последовательности лишь в небольшом количестве случаев. Точно так же можно описать субъекта как понимающего счет*, исключив *задачи, в которых он склонен отклоняться от счета**. И что же тогда укажет нам на использование им счета а не счета*?

Это исправление могло быть предложено и ранее — для удовлетворения требования бесконечности ДИС 2: исключения можно использовать для учета бесконечного количества случаев, в которых субъекты склонны не выполнять задачу.²⁵ Но это также предвосхищает основание против альтернативных подходов — ДИС 2* например — где "следующее" заменяется на "следующее*" и где различия проявляются только в тех ответах, что субъект не дает.

Проблема ДИС 2 в том, что он пытается определить склонность субъекта при столкновении с задачей счета через *корректные* его процедуры, но — как мы только что видели — даже рассмотрение склонностей этих как имеющих у реальных субъектов и использование исключений для случаев этих склонностей не проявляется не помогает. Сторонники понимания испытуемым некой нестандартной формы счета могут использовать этот же ход.

Рассмотрим, наконец, требование обоснования. Здесь проблема в том, что диспозиционная точка зрения предлагает в действительности не используемые субъектами, для обоснования счета в прошлом, ресурсы. Крипке (1982, 23) пишет:

Должен ли я обосновать свое нынешнее убеждение, что я имел в виду счет, а не зчет с точки зрения гипотезы о прошлых моих склонностях?

Я понимаю его так: *только лишь* описание склонности как обоснования для *счета* не сочетается с нашим феноменологическим впечатлением касательно понимания другими людьми их схватывания таких концепций, как счет. Только посмотрите, насколько странно это бы звучало:

Я умею считать, ведь склонен отвечать на вопрос "Сколько здесь предметов?" указывая на каждый из них один за другим и произнося "1" на первом из них, следующее за "1" число — "2" — на втором и т.д. до последнего, произнесенное на котором число и называю ответом.

Скажи кто-нибудь так, он скорее подумает о себе как о выучившемся какой-то бессмысленной, нелепой процедуре *вместо*, собственно, счета, или как об описывающем только *побуждения*, но не образ действий, им предпринимаемый согласно выученной концепции.²⁶ Мы заподозрим это, потому что мелочное это его обоснование вообще-то ничего не говорит о том, почему же описание его склонностей *имеет хоть какое-то отношение* к умению считать.

Ранее я уже упоминал, что мы часто доказываем свое умение демонстрацией соответствующего поведения, вроде "Думаешь, я не умею считать? Ну, смотри! Раз, два, ...". Но это же не значит, что счет в такой демонстрации и *заключается*. Скорее, демонстрирующий предполагает знание собеседником

²⁴ Факты нашей биологии (например, строение мозга), физические законы и т.д. — все это имеет значение. Популярное рассмотрение этой проблемы с картинками и диаграммами см. в Фокс (2011).

²⁵ Эти модификации (с использованием контрфактуалов и с использованием исключений) на самом деле представляют одну и ту же стратегию, грамматически по-разному реализованную: в первом случае нарушения ДИС 2 упаковываются в контрфактические события, а во втором исключения содержатся в антецедентах изъявительных кондиционалов.

²⁶ Крипке (1982, 17) пишет: "Мы, обыкновенно, рассматривая математическое правило вроде сложения, понимаем себя руководствующимися им в каждом новом случае". И (Крипке (1982, 10)) "Я следую указаниям ...".

счета и *это* свое предположение и свое знание счета ему и показывает через демонстрацию своих навыков и этих навыков осознание.

Обратите внимание, что (согласно моей интерпретации) акцент Крипке на подрыве диспозиционных подходов требованием обоснования заключается не в этого обоснования "нормативности" в противовес диспозициям — нет — диспозиционные подходы попросту не соответствуют пониманию своей обоснованности субъектами, нарушают очевидные об *опыте* такого себя осознания факты.

2.4 Попытка защиты диспозиционных подходов

Многие комментаторы Крипке защищают диспозиционный подход аналогией между использованием контрфактуалов для описания поведения стекла, соли или газов в воображаемых обстоятельствах и таковым их использованием для описания действий субъекта,²⁷ предполагая включенность в первые как исключений ("*ceteris paribus*"), так и идеализаций, которые, согласно Крипке, бессильны подкрепить ответ смысловому скептику, хотя и, сталкиваясь с требованиями бесконечности, предположительно диспозиционно их преодолевают. В бесчисленном множестве разных обстоятельств структурные факты, определяющие диспозиции стекла и соли, определяют также и бесчисленное множество исключений: "соль *не* растворяется в холодной соленой воде", "соль *не* растворяется в воде, если Бог вмешивается и регулирует *соответственно* движение молекул" и т.д..

Но есть существенное различие между стеклом, солью и пр. и считающим субъектом.²⁸ Различие это в использовании лежащих в основе идеализированных описаний стекла и пр. структурных фактов для определения этих описаний ложными, а не истинными. Дело ведь не в том, что соль всегда растворяется или что газы ведут себя подобно скоплениям маленьких твердых шариков — дело в *склонности* соли вести себя именно так, *как она себя и ведет* исходя из своих структурных свойств. То есть *строго говоря*, соль *не* "водорастворима", а лишь растворяется в воде в широком *таких-то* диапазоне обстоятельств (но не растворяется в *других*), однако первые настолько особенные, что ярлык "водорастворимая" все же оказывается полезен. Ну и аналогично газы — в широком диапазоне обстоятельств — ведут себя *примерно* как скопления маленьких твердых шариков.

Другое дело — счет. Изучая нейрофизиологию способностей к счету, *можно* обнаружить, что испытуемые склонны делать нечто отличное от просто счета — хотя и *нельзя* обнаружить, что они не понимают, что такое счет. Эмпирически, конечно, допускается обнаружение верности характеристики человеческих склонностей как функции зчета; но ведь это *не* значило бы, что испытуемые зчитают, а не считают — не было бы доказательством, что они не умеет считать, а умеют зчитать, скорее лишь указало бы на склонность совершать определенные систематические ошибки при счете.

Не буду, впрочем, давать прогнозов на основе мысленного эксперимента, а лишь опишу текущие исследования касательно математических способностей и что они предполагают об наших математических склонностях *прояснить*. Первое, что следует отметить — открытия касательно математических склонностей *на самом деле* показывают их отклонение от представляемого нами правильными способами решения. Философы предположили, что нужные для ответа скептику Крипке диспозиции можно "стратифицировать", отделив первичные, нужные для правильного счета — от вторичных, правильному счету мешающих.²⁹ Пусть это различие и в чем-то соответствует нашему опыту решения математических задач — мы действительно совершаем ошибки, которые, как *иногда* затем признаем, вызванны были мешающими факторами — это не свойство действующихся

²⁷Блэкберн (1984, 289-290), Форбс (1983-1984, 229-230), Фодор (1990, 94-95). Среди одобряющих этот ответ, например, Богосян (1989), Гинсбург (2011). Райт (1984, 771), напротив, категорически отвергает его, указывая на интуитивно большую схожесть понимания со способностью, нежели со склонностью.

²⁸В этом и следующих пяти абзацах приводится защита неприятия Крипке диспозиционных подходов, им самим, и, насколько могу судить, кем либо другим, однако, не данная.

²⁹См., например, Блэкберн (1984, 290) и Форбс (1983-1984). Гольдфарб (1985, 477) пишет: "Редукционист может, например, заявить, что в будущем физиологическая психология раскроет два различных на научных основаниях механизма. Состояния первого уровня будут соответствовать языковой компетентности и, будучи несдерживаемы, приводят к лишь правильным ответам, состояния же второго уровня соответствуют признакам мешающим и так объясняющим ошибки". Но, хотя генерирующие *правильные* функции бесконечные диспозиции и *возможны нейрофизиологически* — касательно арифметических способностей это было исключено еще к началу 1990-х годов.

в нашей арифметической компетенции предрасположенностей.³⁰ Интересно, что наш интуитивный числовой ряд подчиняется закону Вебера: числа расположены неравномерно, группируясь по мере возрастания, также у нас есть нечеткое, аналоговое "чувство" количества объектов в группе.

Определяй наши диспозиции наше понимание чисел, у нас, возможно, было бы и более одной используемой при счете системы чисел: одна — нечеткая, но открытая, другая — строго конечная, а третья — подчиняющаяся закону Вебера. И сторонник диспозиционного подхода должен, конечно, объяснить, как этот ошеломляюще сложный клубок нейрофизиологических способностей обеспечивает такое простое, стратифицированное понимание стандартных арифметических функций в купе с условиями *ceteris paribus*, исключающими поведенческие отклонения от этих функций.

Это ведет нас еще к одному разрушительному для эмпирически обнаруживаемых диспозиций моменту. Даже если описанные сложности с ними не были обнаружены текущими исследованиями, наше признание эмпирической возможности отклонения субличностных арифметических способностей, от необходимых для корректного решения соответствующих задач, указывает на отличие нашего понимания усвоенности счета от *только лишь* склонности к выполнению задач на него. Именно в этом смысле следует проводить различие между нашими склонностями и тем, что мы *должны* делать — *правильными* действиями.

Это, однако, поднимает следующую проблему: учитывая исчерпаемость ресурсов (к пониманию счета и прочих математических концепций) субъекта диспозициями, остается вовсе неясным определяющее субъекта как намеревающегося считать. Иначе говоря, что фиксирует смысл — содержание — его концепции *счета*? Что, в конце концов, *могло бы* помочь нам здесь, если не его диспозиции?³¹

Здесь уместны два замечания. Во-первых — проблема фиксации содержания возникает здесь в диалектическом поиске в субъекте *чего-то* определяющего усвоение им в прошлом счета, а не зчета, и, значит, счета им сейчас и намеревание. Мы могли бы, конечно, оспорить его намерение, исходя из несостоятельности диспозиционных подходов, но это потребует дополнительных предположений, которые, думаю, Крипке не делает. Аргумент против диспозиционных подходов смысловой скептик сопровождает аргументами против интроспективных ресурсов.

Во-вторых — "нормативность" арифметических законов или нашего таких законов понимания. Проблема диспозиционных подходов, в конечном итоге, в отличии склонности реагировать определенным образом в определенных ситуациях от должности так реагировать (Гинзбург (2011, 228)). Будет лучше — во всяком случае, не столь запутывающе — сказать, что это все значит, а именно: лишь негативная характеристика описания диспозиций как недостаточного для каких-либо утверждений касательно его умения считать. Слова "правильно" и "должен" *лишь* вбивают клин между описанием возможного поведения субъекта и реальной функцией (например, функцией последовательности), рассматриваемой через ее этим субъектом понимание — и "редукция" не удастся, вот и *все*. Аналогично, сказать "правильность — нормативный вопрос" (Богосян (2003, 36)) — значит не что иное, как отличие фактической функции от той, которую субъект *склонен* выполнять.

Заманчиво, наверное, предположить неизменность или исчезновение различия Хомского между знанием и умением вместе с различием первичным и вторичным в диспозициях — но это не так. Обе стороны — знание и умение — эмпирически чувствительны: "эффективность" — не просто свалка всякого неграмматического поведения субъекта. Синтаксис языка субъекта можно пересматривать на основании эмпирических результатов, и, кроме того, неумение тоже эмпирически ограничено и проверяемо. Нарушение памяти, например, нельзя сходу считать причиной ошибок в синтаксисе — факт этого нарушения открыт эмпирической проверке. Вторая причина различия — отсутствие в случае синтаксиса ключевого арифметического фактора — правильности. Как я уже указывал, универсальные диспозиции к выполнению счета с помощью необычных (конечных, нечетких и т.д.) систем счисления — показатель не не-счета, а лишь отличия нарушенного синтаксиса от предполагаемого лингвистом.

³⁰ Вот некоторая литература по этой теме: Кэри (2009), Деэн (1997). Ее, конечно, гораздо больше — это ведь очень активная сейчас область исследований, потому что "диспозиции" крайне сложны и запутаны и о них не получается говорить как о лишь механически следуемых нами (покуда ничто не мешает и не вызывает грубые ошибки) воплощенных арифметических правилах.

³¹ Фиксация содержания — проблема, по мнению Богосяна (1989), Крипке и поднимает, и именно ее непосредственно поднимает Райт (1980) (см. примечание 4). Но соображения, им при этом используемые, отличаются от приведенных мной: он (2003, 496) пишет "Раньше я недооценивал силу [требования бесконечности]".

2.5 Почему прямое социологическое решение не работает

Как мы увидели, диапазон индивидуальных диспозиций очень мал и они не соответствуют ограничениям Крипке. Иначе говоря, они не дают психологические/индивидуальные обосновывающие факты для каждой возможной задачи счета (где обосновывающие факты — достаточные для определения фактов соответствия вроде *”Каждая совокупность объектов имеет одно и только одно число, называемое количеством”*). Потому и возникает соблазн дополнить диспозиции контрфактуалами. Это, конечно, очень естественный ответ на проблему, ведь мы часто оправдываемся, указывая на усталость, которая и помешала выполнить задачу — мы так абстрагируем характеристики нашего понимания счета и способности к нему от прочих факторов, ограничивающих наши к счету возможности (почти так же действия машины Тьюринга абстрагированы от физических ограничений). Именно поэтому кажется, что ограничение бесконечности удовлетворимо дополнением диспозиций контрфактуалами.

Однако, стратегия эта не удовлетворяет ограничению обоснования. Действительно: сам факт сомнения в способности таких дополненных диспозиций выполнить требуемую от них работу указывает, что диспозиции — *какие бы они не были и как бы не дополнялись* — не являются *стандартами* правильного счета. Будь они таковыми, не было бы и речи об их правильности — *какой бы ответ они не давали*. Но как бы склонности субъекта к счету не выглядели, кажется возможным сомневаться в их ответов правильности и более того, дают ли наши диспозиции такие ответы. Было бы странно услышать от субъекта после подсчета им что-то вроде *”Видите ли, это правильный ответ, потому что именно его я был расположен дать”*.³²

Это побуждает искать стандарты правильного счета где-то еще. Более того, современная научная практика предполагает незначительность склонности *людей* к правильному счету — на них в этом редко полагаются, в большинстве своем используя теории и инструменты (буду называть их *”калькуляторы”*). Итак, похоже, учитывая широкую распространенность калькуляторов, единственно значимой для нас диспозицией становится диспозиция *принимать* результаты, полученные с эти калькуляторов помощью. Исторически, использование счетов, счетных досок, веревок с узлами и прочего для счета — указывает, что значимость лишь этой диспозиции касательно счета не нова. Наша способность считать точно и приблизительно не опирается на что-либо разумно характеризующее как диспозиция к счету — мы же не рассматриваем в качестве этой диспозиции таковую к принятию результатов, выдаваемых [изобретенными другими людьми] инструментами.

Обсуждая в Разделе 1 требование обоснования, я подчеркивал наше чувство оправданности в выборе методов счета, и это справедливо даже касательно [уверенного в себе] ребенка — он будет озадачен заявлением, что все им делаемое как счет — на самом деле зчет. Крипке весьма успешно использует этот феноменологический факт против диспозиционной теории: наша вера в обоснованность корректности нами делаемого не удовлетворяется одним лишь признанием диспозиций делать это определенным образом. Факт этот (в сочетании с некоторыми другими) может означать необходимость оценивать правильность поведения согласно социальным стандартам.

Учтите ведь, что испытуемый обыкновенно не слишком уверен в своих способностях к счету. Но даже уверенный в своих способностях может в них усомниться в определенных обстоятельствах.³³ Это потому, что ключевым для понимания любой задачи является *”способность”* на ошибки и возможность инструментов или других субъектов на эти ошибки указать, и потому, что масштабы этих ошибок не имеют предела. Поэтому субъект может разувериться в *чем угодно*, ранее, казалось бы, несомненном. А вот если бы стандартом поведения были *лишь* его склонности, такая неуверенность была бессмысленна. И *это*, очевидно, показывает, что рассматриваемые стандарты — внешние к кому-либо конкретному и локализованы в тех, кто его окружает — в сообществе.

³²Это чрезвычайно важный аспект нашего понимания следования правилам, и обусловлен он глубокими фактами нашей психологии, например тем, как мы учитываем (или не учитываем) субличностные способности касательно сознательно решаемых задач. Это интересное взаимодействие между личностным и субличностным, впрочем, не имеет значения для первоначальных моих моделях приватного следования правилам (см. Главу 3), однако включается в пятой модели в Главе 5.

³³Здесь часто приводится неуверенная реакция в некоторой ситуации — например, в классе, где были даны [очень простые] инструкции *”поднимайте руку, когда учительница держит зеленую карточку, и опускайте — когда она держит красную”*, и где однако учительница и большинство учеников согласованно эти инструкции нарушают.

Можно предположить, что, упоминаемые Крипке как часть феноменологии и как обычно плохо сказывающиеся на диспозиционном ответе, "нормативные" факты, а именно (как указано в сноске 26) — "Обычно, рассматривая математическое правило — например, сложение — мы думаем о себе как о руководимых им в каждом новом случае" и "Я следую указаниям" — недвусмысленно указывают на наше такое относительно следуемых правил впечатление как вызванное чувством их усвоенности *посредством научения другими*. То есть очевидной частью феноменологии является уверенность в наученности другими как источник уверенности в теперь согласно научениям делании — поэтому так легко поставить эксперименты, подрывающие эту уверенность: "Все остальные со мной не согласны, может это потому что я все же не усвоил то, что, как казалось, давно знал? Или может я вовсе психически болен?"

Нахождение стандартов в сообществе (в его, точнее, диспозициях) может также объяснить результат мысленного эксперимента, герой которого осознает субличный источник своих способностей к счету. Он внезапно начинает видеть ярко-красные цифры на каждом предмете, цифры эти связаны одна с другой по порядку, и последнюю его что-то *побуждает* произнести ответом.³⁴ Естественная реакция здесь — страх, что эти напрашивающиеся ответы на самом деле *не* верны — из-за очевидной оторванности побуждения от нашего понимания своей способности считать: мы научились этому у других, и с какой стати будем теперь полагаться на это внезапное побуждение как нашей наученности соответствующее?

Эти соображения подсказывают прямое *социологическое* решение парадокса: если и существует некоторый паттерн обосновывающих фактов, который указывает на использование именно счета в противовес зчету, то паттерн этот обнаруживается в коллективных установках сообщества. Крипке (1982, 111) затрагивает это решение и отмечает, что теория такая "будет открыта по крайней мере некоторым из тех же критических замечаний, что и исходная (индивидуально-диспозиционная)".

Почему же прямое социологическое решение *точно так же* не удовлетворяет трем ограничениям Крипке, как и индивидуальное? *Ограничение бесконечности*: диспозиция сообщества — как бы она не определялась в терминах совокупности индивидуальных диспозиций и общественно-доступных инструментов — все еще ограничена в своем диапазоне и подвержена отклонениям от правильного счета (и это верно даже для современного общества с его мощными вычислительными инструментами). И контрфактуальное дополнение диспозиций сообщества сталкивается с теми же препятствиями, что и в индивидуальном подходе. *Ограничение бесконечности*: описание диспозиций сообщества в тот или иной момент времени не указывает на этого общества оправданность используемого им способа счета, не доказывает, то есть, что в очередной задаче используемая в силу коллективных диспозиций концепция счета — та же, что и в предыдущих. Мы ведь *не* думаем — даже концептуализируя задачи счета как выполняемые коллективно, — что наш способ счета по определению должен быть таким, как если бы общественные практики были понимаются такими же, как раньше. Наконец, *ограничение ошибки*: коллективное решение не дает логического пространства для возможности ошибок в расчетах, причем не только отдельных субъектов, но и всего сообщества. К тому же, решение через коллективные диспозиции предвосхищает основание против альтернатив так же, как и решение через индивидуальные.

2.6 Условия не истинности, но утверждаемости

Давайте тогда обратимся к скептическому решению Витгенштейна Крипке. Оно (Крипке (1982, 66)) признает, что "отрицательные утверждения скептика неопровержимы", то есть признает отсутствие, подходящей для ответа на вопрос о счете/зчете, модели обосновывающих фактов. Согласно Крипке, решение Витгенштейна состоит в отказе от "условий истинности" в пользу предложений о понимании субъектом операторов нумерации, а также "условий истинности" в целом. Т.к. модели обосновывающих фактов нет, то нет ничего дающего необходимые и достаточные условия истинности предложений о понимании субъектом этих [нумерационных] предложений. Но вместо них можно использовать "условия утверждаемости": условия, при которых субъект имеет *право* — в сообществе

³⁴Что это за побуждение? Ну, подобное побуждению почесаться или поесть, например — этому можно сопротивляться, но ограниченно.

— утверждать что он (или кто-то другой) понимает счет, в их понятие, значит, заложена принадлежность субъекта признающему наличие таких условий обществу.³⁵

Крипке предполагает, что условия утверждаемости — условия права А утверждать, что он использует сложение — заключаются, грубо говоря, в его уверенности в своей способности отвечать правильно на последующие вопросы, тогда как его ответы могут подлежать исправлению другими. И что он также имеет право, (Крипке 1982, 90) “опять же, с учетом исправлений со стороны других”, оценивать чей-то ответ как правильный, если бы его он дал и сам. Отрицание понимания другим счета оправдано только если ответы его отличаются от ответов отрицающего, а отрицание собственного понимания оправдано при неуверенности в ответах или способах их нахождения.

Как выше указано, “сообщество” связано с условиями утверждаемости двояко. Во-первых, отсылка к нему встречается в формулировке самих этих условий: “Мы призваны признать временную природу наших диспозиций — признать законное право *других* нас поправлять”. Во-вторых, условия утверждаемости имеют смысл только в контексте общества, ведь они полагаются на понятие права в этом обществе что-то утверждать или отрицать. Опасения по поводу правомерности своих утверждений могут испытывать от общества изолированные — называемые мной *Робинзонами Крузо*.

Согласно интерпретации Витгенштейна Крипке (1982, 86-88), непоследовательность изолированного такого Робинзона, следующего правилам именно в его невозможности функционировать вне условий утверждаемости. То есть если он берется считать, то действует “не колеблясь, но *вслепую*” (Крипке (1982, 87)). Скептический парадокс указывает на, при ограничении такими Робинзонами, отсутствие “каких-либо условий истинности или фактов, могущих доказать согласованность настоящих намерений с прошлыми” (Крипке (1982, 89)). То есть для Робинзона нет разницы между уверенностью в следовании правилу и действительном ему следовании, и поэтому рушится идея правильного или неправильного следования ему. Как пишет Витгенштейн (1958, параграф 202):

Думать, будто подчиняешься правилу — не значит ему подчиняться, и значит нельзя подчиняться “в частном порядке”; иначе бы для подчинения достаточно было одной только в нем уверенности.

Крипке (1982, 110), впрочем, подчеркивает, что из этого *не следует* невозможность описать Робинзона как правильно или неправильно соблюдающего правила: для этого достаточно чтобы описывающий относился к Робинзону этому как к члену своего общества.

Заметьте: неспособность обосновать второе и особенно третье требования Крипке с использованием индивидуальных диспозиций прямо противоречит возможности такого описания. И Крипке, кстати, сам указывает на включение Робинзона в свое сообщество как на необходимый, для оценки его как считающего, шаг — только так мы можем применить к нему условия утверждаемости.³⁶

Заключительные замечания Мастерское изложение Крипке создает у большинства уверенность в скептическом его подходе *оправданности* логическими контурами разбираемой проблемы. Три

³⁵В этом разделе я пытаюсь изложить позицию Крипке (1982, 74-93) касательно условий утверждаемости. Дуглас Паттерсон (24.09.2009 — электронная почта) указал, что, похоже, общая замена условий истинности условиями утверждаемости приводит к наличию этих условий для в ином случае бессмысленных предложений (“в обществе я имею шуметь, например”). Он далее предполагает здесь непоследовательность, пока в разрешениях нет незаконной апелляции к условиям истинности.

Но я, хотя в конечном счете и отрицаю необходимость заменить условия истинности условиями утверждаемости, думаю, это неверно. Конечно, люди имеют право использовать или не использовать предложения без необходимых и достаточных условий применения. Здесь есть два варианта: либо (1) форма предоставления таких прав является “смыслом”, либо (2) в силу определенных условий, согласно которым “значения” должны соответствовать (например, они должны быть необходимыми и достаточными условиями применения), предложения эти не имеют “значений”. Но мне кажется, что в оба варианта не приводят к бессвязности построенной на “правах” практике утверждения или этой практике нужде в дополнительных условиях — условиях истинности.

Замена условий истинности условиями утверждаемости (как Крипке (1982, 86) трактует Витгенштейна) не исключает обычного использования слов “истина” и “ложь”. Именно потому все еще можно использовать вместо условий утверждаемости — условия истинности, если понимать их “дефляционно”, а не как требующие соответствия фактам, что я и указываю в Главе 6. Иначе говоря, я предполагаю, что Крипке (а, возможно, и Витгенштейн) встроил в понятие “условий истинности” соответствие фактам (Крипке (1982, 72): “Декларативное предложение получает свое значение в силу своих *условий истинности* — в силу соответствия фактам, без которых оно быть таковым не может”). Но я отрицаю необходимость такого понимания “условий истинности”.

³⁶Проводится различие между одиночными языками — языками с единственным носителем у каждого, и языками приватными (“языками ощущений”) — о которых пишет Витгенштейн (Гольдфарб (1985)). Блэкберн, Гольдфарб и Богосян считают скептическое решение Крипке не исключающим существование одиночных языков, и здесь я с ними не согласен.

ограничения возникают из простых наблюдений за нашей практикой следования правилам и ограничения эти совершенно явно исключают [прямые] диспозиционные решения (что и было показано в этой главе). Факты соответствия, в свою очередь, подрываются не метафизически — напрямую подрывая способность наших утверждений что-либо правильно или неправильно описать — но из-за недостатка у нас ресурсов на обеспечение такого этих утверждений соответствия. Ведь, говоря о счете, речь не об отсутствии функции следования одного за другим — речь об отсутствии необходимых обосновывающих фактов, что подрывает наши способы мышления и разговора *об* этой функции. И, получается, фактов соответствия тоже нет: ментальные элементы субъекта или его языка не могут соответствовать тому, чему мы дотеоретически считаем их соответствующими, потому что субъект, значит, неспособен подразумевать соответствие своих утверждений или мыслей этому. (Это очень важная тема, она еще будет возникать в следующих главах, особенно в Главе 4, где основное внимание будет направлено на льюизианское отрицание основанности фактов соответствия только лишь на ресурсах субъекта.)

Отсутствие соответствия (говоря в рамках естественного понимания свойств идиомы истинности) тогда подрывает анализ всяких связанных с утверждениями практик — его придется заменить анализом условий утверждаемости. Наконец, естественные психологические факты о нашей способности устанавливать для себя стандарты (от нас самих требующие определять наше им соответствие) заставляют использовать стандарты общественные для убедительности следования правилам.

Диалектика здесь тоже очень широка по своему охвату. Она выражена в терминах арифметических функций, где наиболее естественно говорить о ”следовании правилу”. Но, как отмечает Крипке, она в равной степени убедительна как аргумент в пользу совпадения настоящего намерения и прошлого.

В последующих главах этой книги я покажу, как такие выводы отклонить.

Глава 3

Две версии Робинзона Крузо

Аннотация В этой главе я начинаю анализ проблемы следования правилам, используя диспозиционные языки — в которых термины применяются именно так, как субъекты применяют их склонны. Я покажу, что эмпирические обстоятельства (и склонности испытуемых), будучи достаточно благоприятны, позволяют изолированным испытуемым следовать правилам. То есть испытуемые эти могут успешно оценивать и использовать для успешной навигации в мире такие языки. Диспозиции их, впрочем, в некотором роде искусственны. Но примеры, описанные в последующих главах, будут гораздо более естественными — будут гораздо больше походить на нас.

3.1 Сообщество идиолектов

Один из выводов, делаемых в этой книге — возможность частных моделей следования правилам. Я вывожу ее поэтапно, используя несколько разных Робинзонов, каждый из которых может участвовать в разных видах такого правил следования. Прежде чем начать эту серию мысленных экспериментов, я в этом разделе кратко представлю воображаемое сообщество, которое — в отличие от *нашего* — понимает значения своих слов в терминах своих к их использованию склонностей. Я рассмотрю некоторые детали, преводящие к подобной языковой практике провалу и покажу способы ей все же — как не удивительно — существовать.

Диспозиционно-смысловые языки Представьте сообщество, в котором каждый действительно намеревается использовать всякое слово — ”таблица”, ”счет”, ”сложить”, ”сова” и т.д. — как значащее ровно то, к чему он склонен в данный момент его применить. Например, под словом ”собака” он имеет в виду то, что у него возникает желание назвать собакой, под ”столом” — то, что склонен называть столом и т.д.. Таким образом, один и тот же предмет в одних обстоятельствах может быть собакой, а в других — кошкой, а большинстве случаев он вообще ничем не является. (Экстенсии терминов в этих языках — не наборы объектов, а наборы пар объект-контекст, где контексты индивидуализированы по времени, положению в пространстве и другим стандартным факторам.)

Может показаться, что такой язык вовлекается в фатальную цикличность, ведь, например, значение слова ”собака” задается формулировкой содержащей само это слово ”собака”. Да, замкнутость возникла *бы*, понимай люди в таком обществе формулировки эти как *инструкции* к использованию слов, но ведь они их так *не понимают*. И диспозиции — даже в ходе обучения приобретенные — автоматически *диктуют* им ответы, и потому формулировка значения слова ”собака” независимо характеризует его значение как ”применимое к этим предметам тогда, когда есть побуждение его так применить”. Назовем такие языки ”диспозиционно-смысловыми”, а слова в них — имеющими ”диспозиционный смысл”.

Требования Крипке для этих языков либо теряют силу, либо тривиально выполняются. Требование обоснования тривиально выполняется: используемые в данный момент термины языка чувствительны только к побуждениям в данный момент говорящих. (Что говорящие имеют в виду тогда-то и там-то, — это что они чувствуют необходимость иметь в виду тогда-то и там-то.). У них нет намерений (хотя они и могут делать прогнозы) касательно того, что они будут иметь в виду в будущем, и они не понимают себя как обусловленных тем, что имели в виду в прошлом. Итак, на вопрос скептика

”Откуда вы знаете, что то, что имели в виду раньше, соответствует тому, что имеете в виду сейчас?” они отвечают

Я помню, что под словом ”кошка” подразумевалось именно то, что мне тогда хотелось подразумевать, и я помню, к чему это слово применял, так что если вы спросили, имею ли я в виду в данный момент, что чувствую необходимость иметь в виду в данный момент так же, как я делал это и раньше, то мой ответ, конечно, да, ведь я прекрасно помню, что тогда происходило. Если же вопрос ваш подразумевал не это, то я не знаю, что еще он мог подразумевать.

То есть скептический вызов не может даже быть сформулирован, потому что обращение к чьим-то прошлым предрасположенностям *действительно оправдывает*, что он имел в виду тогда, и что сейчас он действует согласно сейчас им подразумеваемому — странная речь из Части 2.3 вовсе не странная в *таком* обществе. Другой способ указать на провал смыслового скептика перед носителями этих языков: хотя и есть обобщение того, что они имеют в виду — *они имеют в виду то, что иметь в виду побуждаемы* — обобщение это не часть намерения говорящего, когда он что-то имеет в виду, то есть они не *намерены* всегда иметь в виду то, что им хочется иметь в виду, они просто всегда так делают.

Требование ошибки также теряет силу, ведь что применения субъектом слова всегда привальное, независимо от его характера или поведения — нельзя поступать ”плохо”. Наконец, никто в таком обществе ни в коем случае не намерен ”складывать” или ”умножать”, или еще какие-нибудь слова применять подобно *нам*: каждый намеревается ”сложить” или ”умножить” только в смысле соответствия своих диспозиций этим действиям в этот момент, так что и понятие ”счет” применимо только если диспозиции его применить позволяют.

Возможным недостатком такого диспозиционно-смыслового ”языка” является отсутствие общих слов у не имеющих *совершенно* одинаковые в совершенно одинаковых контекстах, диспозиции: если у них есть хоть какие-нибудь отклонения в диспозициях относительно многих слов, то результатом будет скорее семья идиолектов, чем что-то вроде ”общественного языка”. Более того, они признают это и признают невозможность каких-либо переводов с одного идиолекта на другой (по крайней мере подавляющего большинства слов). Такая какофония идиолектов может показаться безнадежной для общения!

На самом деле такая модель не будет бесполезной для большей части общения, по крайней мере если идиолекты отличаются незначительно — сбои тогда будут возникать лишь изредка. Вообще успешность общения между такими субъектами зависит от величины отклонений среди их идиолектов. И даже если почти все их слова содержат существенные межличностные отклонения, успешное общение все еще возможно — если есть переводы.

Вот пример: пусть В — член такого общества — имеет в своем словарном запасе слово ”диспозиция”, и пусть слово это *точно* применимо к диспозициям С и к его собственным. Тогда В может осознать совершенную определенность своего понимания слов — например ”стол”, ”апельсин”, ”бежать”, ”умножать” — его диспозициями к таким слов применению. Аналогичное он может осознать касательно С. Затем В осознает, что не может напрямую перевести идиолект С на свой: ”стол”, например, как его С использует, не имеет тех же условий применения, что ”стол” В — их диспозиции ведь различаются. И все же В может перевести ”стол” С так: ”стол”, как его использует С, означает на идиолекте В ””стол”, как его склонен использовать С”. То есть если слово ”диспозиция” применимо к диспозициям других людей — если, значит, они разделяют это слово и условия применения его соответствуют диспозициям каждого из них — то взаимный перевод слов в таком сообществе возможен.

Конечно, можно представить подобное сообщество с отклонениями касательно *каждого* из слов, то есть и слова ”диспозиция” тоже. И пусть даже способ использования ”диспозиция” В таков, что ””стол” как С склонен использовать это слово” не имеет тех же условий использования, что ”стол” С (потому что ”диспозиция” В не соответствует ”диспозиция” С). Осознав это, В увидит, что он и С говорят на разных идиолектах, которые к тому же не поддаются взаимному переводу. Смогут ли они, несмотря на невозможность перевода, общаться — зависит от степени различия условий применения используемых ими слов.

Итак, невозможность перевода идиолектов и, значит, несостоятельность таких языков — во всяком случае, для общения — не следует так сразу из определяемости значений слов через диспозиции

их использующих.¹

Тем не менее, есть поводы для беспокойства касательно ценности таких языков для выживания даже в эмпирически удачных обстоятельствах. Пусть, например, диспозиции одинаковы у всех людей в нем, могут ли тогда они *последовательно* применять к объектам эти свои слова? И почему их диспозиции не могут заставлять их называть одно и то же то столом, то — в следующий же момент — как-то иначе? Ведь *тогда* даже будучи разделяемы всеми в обществе, диспозиции эти могут привести к катастрофическим результатам. Способность таких идиолектов обеспечивать общение, *помогающее пережить* их носителям взаимодействие с вещами в мире — способность эта зависит исключительно от эмпирических фактов о диспозициях каждого из них и в том числе от этих диспозиций (а значит, и применений слов) стабильности.

Пусть единообразные такие склонности в обществе крайне "осторожны": распространена, например, склонность не применять слово "стол" до тех пор, пока целевой объект не будет внимательно изучен. Такие диспозиции могут до некоторой степени стабилизировать применение слов в разных контекстах, в том числе — слов, касающихся вычислений — "сложение", "вычисление" и т.д.. Пусть члены общества склонны применять слово-число как результат вычислений, но только когда вычисления эти были дважды проверены определенными способами (значит, например, торопливо вычислять они не склонны — они даже не назвали бы такое вычислением). Если при этом каждый имеет диспозицию давать одинаковые ответы после таких вычислений завершения — пусть даже *одинаково* ошибочные — то идиолекты остаются согласованы, применение слов происходит стабильно.

Что ж, предварительный вывод таков: *практическая реализуемость* диспозиционно-смысловых языков зависит исключительно от эмпирических условий. Например, от того, какими именно диспозициями обладают субъекты в таком обществе, и — что особенно важно — как диспозиции эти приводят к единообразиям среди них. Конечно, я еще не рассматривал, требуется ли такой языковой практике определенное единообразие вещей в самом мире, которое могло бы как-то соответствовать единообразию в носителях языка диспозициях. И еще, я не ответил на ожидаемый от некоторых философов вызов касательно в действительности не соответствия *концепций* носителей таких языков и предметов реального мира. Ведь у них, казалось бы, есть лишь склонность более или менее скоординированно испускать случайные *шумы*. Первый из этих вопросов будет рассмотрен при рассмотрении других видов Робинзонов, второй же будет рассмотрен уже в следующем разделе.

3.2 Робинзоны в эмпирически благоприятных обстоятельствах

Представьте, что наши Робинзоны питаются в основном кокосами. Добыча кокосов, впрочем, трудна: приходится избегать различных крупных хищников. Чтобы выжить, Робинзоны научились считать кокосы: сколько их есть сейчас, сколько будет съедено за день и, значит, сколько дней до следующего рискованного поиска.² Он также изучил территорию, где добывает пищу, определил, где больше всего встречается кокосов, и, значит, куда ему за ними лучше лезть. В общем, навыки счета оказались жизненно ему необходимы.

В описание этого сценария включен один неоспоримый факт: наборы предметов — кокосов в данном случае — имеют определенный числовой размер. Так что, вообще то, не удивительно, что при их подсчете — и при подсчете, значит, дней до следующей охоты — важно *правильное* понимание Робинзоном-1 чисел, ведь ему нужно сосчитать сколько "действительно" кокосов на дереве.³ И применение Крузо-1 прочих его слов: "кокос", "тигр" и т.д. должно оцениваться на адекватность

¹ Я благодарю Дугласа Паттерсона (электронная почта 24.09.2009) за предупреждения меня об этих проблемах при обсуждении с ним изложенной модели.

² Я предполагаю, что Крузо-1 может изобретать слова, причем даже для сложных понятий — например, для количеств предметов — и делает это на основе опыта и врожденных диспозиций. Сомнительно, конечно, что, даже будучи щедро одарены природой полезными диспозициями, так изолированные люди на это способны. Однако сейчас не оспариваются эмпирические предположения по этому поводу. Если способ Крипке выводить возражения против приватных языков на основе парадокса верен — особенно важны здесь второе и третье требования — то не важно, насколько изощренными диспозициями наши Робинзоны одарены: парадокс всяко остается.

³ То есть нужно соответствие один-к-одному между применяемыми числами и кокосами, к которыми он их применяет, и соответствие это должно сохранять отношение порядка, чтобы количества можно было сравнивать.

так же. Кокосы — еда для него, он — еда для тигров. Его слово "кокос", значит, должно выделять определенный набор предметов, являющихся для него пищей, "тигр" — набор предметов, которых лучше избегать.

Такое понимание "правильности" отлично от ранее описанного в книге, особенно в Главе 2 — там оно применялось к имеющему в виду отдельными субъектами и этого соответствию имеющему в виду ранее. Важно, что для Крузо-1 "правильность" значит соответствие его ответа тому, например, что находится на дереве, чтобы действия из результатов его счета следующие позволили ему собрать нужное количество кокосов.

Думаю, следует признать, что Крузо-1 действительно *понимает* придуманные им слова: "кокос", "тигр", "1", "2" и т.д.. Это потому что он *придал* им диспозиционные значения: они значат то, к чему его склоняет (в любое время и в любом месте) применять их. Но, учитывая указанное только что понимание "правильности", можно все же вопрошать: почему придание словам диспозиционных значений не приводит к полной катастрофе? Пусть наш Крузо-1 находится в ситуации, где (1) его диспозиции к слов применениям стабильны и (2) вещи кажутся ему такими, какие они в самом деле есть. Например, если он думает, что видит кокос, то он *действительно* видит кокос. Некоторые могут счесть такое изложение тенденциозным. В конце концов, что такое *для Крузо-1* кокос и что тогда значит стабильность его диспозиций?⁴

Но позвольте поставить вопрос по-другому. Мы живем в мире, где тени иногда выглядят как кокосы, а кокосы иногда похожи на свернувшихся котов. Иногда даже требуется тщательная проверка, действительно ли выглядящие одинаково вещи одинаковы. То есть почти все имеет свойства, которые в сочетании с ограничениями наших чувств приводят к множеству ошибок касательно действительной вещей природы. Из-за чувств Крузо-1, из-за небольшого количества существующих в его мире видов вещей и ограничений этих вещей возможных различий — из-за этого все в его мире так аккуратно подпадает под тот или иной *узнаваемый им вид*. Он может даже распознавать и различать объекты с первого же взгляда, он *не может* ощутить, что одно и то же в разное время кажется ему разным. Он не сможет, например, понять, что то, что выглядело как тигры, кокосы или белки, теперь выглядит совсем иначе. И он, наконец, не способен допускать вычислительных ошибок: если в результате счета он *уверен*, что на дереве 6 кокосов, то это потому что на нем *действительно* 6 кокосов.

В таком замечательном мире с такими завидными эпистемическими способностями Крузо-1 может наделять свои слова смыслом диспозиций и быть вполне успешным. Он может, например, понять, что "7" значит количество предметов, о котором он склонен думать, что их 7. Он может иметь в виду "кокос" применительно именно к тому, к чему он склонен применять это слово. Поскольку его идиолект — диспозиционно-смысловой, три требования Крипке либо теряют силу, либо тривиально выполнимы. И, кстати, раз требование бесконечности теряет силу, то некоторые не будут думать о Крузо-1 как о *считающем* в том же смысле, что и мы. Хотя я и допускаю, что он никогда не совершает ошибок, я не думаю, что он может считать сколь угодно большие наборы предметов. Т.к. есть верхний предел размера доступного для подсчета набора, есть только конечное число числовых слов.⁵

Крузо-1 все же имеет вразумительную языковую практику — вразумительный идиолект — в которой слова значат ровно то, что он склонен ими называть, и благодаря очень хорошим обстоятельствам этот идиолект полезен для него — даже незаменим. И это так даже несмотря на невозможность неправильного применения им слов.

Кто-то, возможно, укажет на *невозможность* когерентной языковой практики без возможности так ошибиться. (И то же скажет, значит, касательно общества идиолектических носителей, рассмотренном в Разделе 3.1.) Он будет также отрицать соответствие слов Крузо-1 понятиям, обладающим которыми можно было бы его считать: понятием количества, кокоса и т.д.. Крузо-1, каким я его здесь представил — утверждал бы этот оппонент — не имеет [реальных] *концепций*, ведь его их примене-

⁴Я описывал Крузо-1 и его мир с точки зрения нашего языка, так что фразы вроде "оценить условия Крузо-1 на адекватность" подразумевают оценки в наших терминах. Требуемое для этого будет рассмотрено дальше, особенно в Разделе 3.3 и в Главах 4 и 7, а пока давайте смотреть на это как на предварительных способ говорить об изолированном таком Крузо и о проблемах, с ним связанных, хоть и способ этот в дальнейшем будет пересмотрен.

⁵Поскольку его числа конечны, я не буду говорить о нем как о владеющем нашей их концепцией. Впрочем, не так уж очевидно, что это стоит отрицать — числовые понятия то у него имеются. Я сейчас обсужу другой аспект этой проблемы.

ние не предполагает ими его *руководства*. Он, вместо этого, признает, что имеет лишь потребность вербально *реагировать* на вещи в мире. (Грубо говоря, у него есть только полезный набор речевых *типов*, но не язык.)

Однако три соображения подтверждают лишь то, что его концепции не совсем те же, что у нас, а не что у него вовсе их нет. Во-первых, есть сопровождающее использование им своих слов ментальное содержание. Хотя его понимание своих же слов подразумевает диспозиционное их значение, это не мешает им соответствовать наборам вещей (в конкретных обстоятельствах), наборам похожим и наборам имеющим определенные количественные свойства. Действительно, такое психическое содержание иногда составляет его диспозиции (например, он склонен относиться к таким-то предметам как к одинаковым вне зависимости от своего их *восприятия*). Во-вторых, и *наши* некоторые концепции, подобно таковым его, имеют схоже диспозиционное значение. Рассмотрим, например, понятие *боли*. Это, как известно, концепция, касательно применения которой ошибаться невозможно (по крайней мере, от первого лица).⁶ Последнее, и, возможно, самое важное: ничто не мешает Крузо-1 использовать свои концепции так же, *как мы*: описывать вещи в мире, рассуждать о них и принимать на основе этих рассуждений решения о действиях. Как и мы, он может решить, например, залезть на одно дерево, а не на другое (потому что, скажем, на другом меньше кокосов), или он может бросить вызов группе опасных хищников поскольку их в ней только два. Поразительные эти факты о его способностях соответствуют аналогичным и о наших: те наши концепции, к которым "правильность" или "неправильность" не применима — "боль", например — кажутся нам все же концепциями, которые можно использовать с различаемыми по правильности для описания мира, рассуждения и принятия решений.

И последнее наблюдение: было бы ошибкой думать, будто Крузо-1 в таких обстоятельствах считает себя всеведущим. У него, конечно, нет понятия ошибки: он не понимает, как можно думать о не-кокосе — что это кокос. И все же способен понять невежественность: это когда он еще не сосчитал кокосы на дереве — и не знает, сколько их, или когда не знает, есть ли тигр за следующим поворотом.

Здесь есть тонкость: следует различать два случая. Первый: Крузо-1 сталкивается с набором предметов — с кучей песка, например — которые у него нет желания считать. Он тогда не склонен применить какое-либо из счетных слов, но и не расположен отрицать их применения возможность: для его идиолекта нет ответа на вопрос, сколько здесь песчинок. Он буквально не знает ответа — ответа нет. Но есть и другой случай: когда он чувствует, что захоти он — мог применить числовое слово — и склонен отрицать, например, что на дереве кокосов 1, 2 или 3. Он знает, что их больше трех, не без подсчета — без задействования, значит, своей диспозиции для указания их количества — он не знает, сколько их.⁷

В удачных обстоятельствах наш первый Робинзон удачлив именно благодаря простоте мира, а также идеальному соответствию имеющемуся в нем своим чувствам и установкам: он ведь не нуждается даже в понятии "правильного применения" слов. В этом, конечно, отличие его идиолекта от нашего с вами языка, но это, тем не менее, язык — и язык несомненно полезный. Таким образом, описанный мысленный эксперимент уже сузил масштаб витгенштейновского аргумента Крипке против приватного следования правилам. Оставляя в стороне, значит, небольшое злоупотребление термином приватности касательно этого случая, получаем неожиданный результат: при определенных эмпирических обстоятельствах все же существуют полезные приватные языки: диспозиции и мир следователя приватным правилам таковы, что нет разницы между его таким следованием и лишь убежденностью о нем.

⁶Широко распространено мнение, что Витгенштейн всячески бросал вызов таким концепциям. Но указываемые им проблемы, похоже, исходят непосредственно из соображений соблюдения правил, и потому сомнительно настаивать на них здесь. (Здесь я, кажется, согласен с Крипке (1982, 3), когда тот пишет: "аргумент приватного языка" применительно к ощущениям — лишь частный случай гораздо более общих соображений о языке, ранее обсуждавшихся ...". См. также его сноску 47, 60-61 и текст, которому она соответствует.) Я предлагаю в дальнейшем использовать другие способы — уже предлагавшиеся другими философами — для подрыва этой очевидности касательно использования понятия боли от первого лица, их я обсуждаю в Разделе 5, описывая также, как они действуют в диспозиционно-смысловых языках.

⁷Сложности возникают, если попытаться это различие заострить: потребуется различение диспозиций Крузо-1 применять слово от других диспозиций, с которыми у первых возможен конфликт. Впрочем, для моей аргументации здесь это и не важно — не важно, обоснованно различие такое или нет — так что воздержусь от дальнейшего обсуждения.

3.3 Робинзон с двумя наборами сознательных диспозиций

Давайте теперь представим второго, немного более реалистичного Робинзона — "Крузо-2", в том же самом мире — мире совершенно различных объектов, делящихся на узнаваемые виды. Здесь, значит, как и прежде, есть продукты питания (кокосы, креветки и т.д.) и хищники (тигры, кабаны и др.), а органы чувств Крузо-2 — при оптимальной работе — прекрасно отличают что угодно от чего угодно.

"Оптимальная работа" в абзаце выше призвана указать на определенную нестабильность: иногда наш Робинзон видит вещи так, как они есть, а иногда — иначе. Например, когда свет падает иначе, или он устал, или поспешил с принятием решения, или слишком много выпил — тогда ему может хотеться назвать *юкосом* то, что обычно хочется — кокосом, или тенью то, что обычно хочется назвать тигром.

Первый, грубый, способ показать разницу между первым и вторым Крузо — указать на полезность второму учиться распознавать, когда он может доверять своим диспозициям. Крипке (от имени Витгенштейна), впрочем, отрицает такую для него возможность. Он (1982, 112, сноска 88) пишет:

в отсутствие скептического парадокса могло бы показаться, что человек помнит свои "намерения" и может одно такое воспоминание о них использовать для исправления воспоминания другого — парадокс указывает наивность таких идей, на их бессмысленность. В конечном счете, ведь, у субъекта могут быть противоречивые грубые наклонности, и исход будет зависеть только от его воли.

И далее (1982, 112, сноска 88):

Ситуация тут не такая же, как если бы отдельные субъекты имели разные и независимые воли и, при принятии в сообщество их нового субъекта, считали, что могут положиться на его реакции — ничего такого нет между субъект и им же самим.

Здесь я не согласен. Рассмотрим два возможных случая. Первый — не столь реалистичный, в нем Крузо-2 может различать два внутренних своих диспозиционных состояния: первое вызывает один набор диспозиций, другое — другой (назовем для простоты первое "отдохнувшим", а второе — "усталым"). Во втором случае, уже более реалистичном, побуждения Крузо-2 меняются в зависимости от времени и места, но он все же часто может классифицировать их и распознать, в каком диспозиционном состоянии находится сейчас, произошел ли сдвиг в его диспозициях. Второй случай я рассмотрю в Разделе 5.2.

В первом же случае у Крузо-2 есть выбор, какой из *двух* возможных диспозиционно-смысловых языков⁸ воспринимать всерьез. То есть, хотя он *говорит* всегда на том языке, на котором говорить склонен — несмотря на это, он все же способен решить, что следует определенному из двух таких языков доверять. Он признает, что различные диспозиционные состояния заставляют его придавать словам разные значения, и что один набор диспозиций лучше, чем другой — один "достоин доверия", другой же — нет. Пусть, например, когда он отдохнул, его диспозиции соответствуют миру так же, как диспозиции Крузо-1. Но поведение его меняется от усталости. Крузо-2, однако, замечает такое довольно легко: когда он устал, его слово "кокос" имеет специфичное для усталого состояния значение. Такие "уставшие" кокосы иногда уже не подходят ему и могут даже навредить, и в отдохнувшем состоянии он видит, что некоторые из них — *юкосы*.

Способ Крузо-2 осознавать полезность доверия "отдохнувшему" своему состоянию и недоверия, значит, "уставшему" — его способность обнаруживать явные и неявные *грубые закономерности*.⁹ Например, "кокосы сытные, а от юкосов только тошнит" — две очевидные грубые закономерности. Если ему в отдохнувшем состоянии доступны слова "есть", "кокосы", "юкосы", "питает" и "болеть", то он может сформулировать на нем такие грубые закономерности. Есть эти слова у него и в уставшем состоянии — некоторые юкосы он и в нем способен от кокосов отличить. Но в уставшем состоянии есть другая грубая закономерность: "некоторые кокосы сытные, а от некоторых только тошнит". (Она сохраняется, если Крузо-2 также сохраняется, если он видит — наоборот — некоторые кокосы как

⁸Альтернативный подход — индивидуализация диспозиционных языков так, чтобы Крузо-2 всегда лишь на одном таком говорил. От этого, впрочем, ничего здесь не зависит: достаточно бы было лишь по-другому расставить пункты в дальнейшем рассуждении.

⁹Грубые закономерности я рассматривал еще в Аззуни (2000) и в Аззуни (2010b).

юкосы.) С другой стороны, усталость и отдых не влияют на осознание им своего состояния — болен он или здоров — а от юкосов он как раз заболевает.

Даже если у него слов "сытый" и "больной", он все равно способен распознать им соответствующее, просто нужные грубые закономерности теперь будут *неявными*. У него, значит, если *концепции* сытости и болезни даже вне нужных для них слов, и используя эти понятия, он также уловит соответствующие грубые закономерности — которые пусть и не сможет выразить себе же самому.

Заметьте, что он так признает, что соответствующий отдохнувшему состоянию диспозиционный язык более надежен, чем соответствующий уставшему: ведь схватываемые им грубые закономерности точнее — успешней предсказывают результаты его действий. Такие закономерности — лучшие в отдохнувшем состоянии, и худшие в уставшем — можно сформулировать с использованием его концепции чисел. Крузо-2 может осознать, что перед собиранием кокосов — когда у него они закончились — ему надо выспаться, чтобы на следующий день точнее находить именно их. (Короче говоря, это тоже знание — неявное — признаваемое даже будучи явно в словах выразимым.) Он не хочет ведь насобирать юкосов и потом выбрасывать их или — еще хуже — съесть и заболеть.

3.4 Что для Крузо-2 "лучшее соответствие миру"?

В прошлом разделе я предлагал представить, что диспозиции Крузо-2, когда он отдохнул, соответствуют миру так же, как таковые Крузо-1.

Разговоры о миросоответствии — метафоричны, хотя, конечно, некоторые философы предпочитают относиться к ним серьезно. Можно ли сказать, что к признанию "отдохнувшего" языка более полезным Крузо-2 приходит через лучшее его терминов соответствие миру?

Это именно практический вопрос о способе Крузо-2 распознавать, какой из языков лучше. Примерно, конечно, понятно, как ему это удастся: один набор диспозиций доставляет ему неприятности, другой же — нет. Может даже возникнуть соблазн сформулировать так: он *думал* о чем-то как о кокосе, но когда его съел и заболел, то понял — это был юкос! Это, конечно, неправильно. Давайте использовать обычные кавычки для указания на принадлежность слова к нашему языку, г-кавычки — для указания на принадлежность к "отдохнувшему" языку и t-кавычки — на принадлежность к "уставшему" языку. Нельзя сказать, будто он думал он предмете как о "кокосе", но затем обнаружил, что был неправ. Он, однако *не* обнаружил, что предмет является ^tкокосом^t, потому что это был ^tкокос^t. Мы, однако, *можем* сказать, что он обнаружил, что это был не ^tкокос^t, но не в том смысле, что он *думал*, будто это ^tкокос^t. Он ведь не пользовался "отдохнувшим" языком, произнося соответствующие всем этим "кокосовым" словам звуки, он произносил ^tкокос^t — корректно его, значит, применяя. (И это верно даже когда он заболел — главное, чтобы не был уставшим.)

Однако, проблема его может выражена на любом доступном ему языке. Судя по тому, как он говорит на своем "усталом" языке, проблема эта в том, что от некоторых ^tкокосов^t он заболевает, а от некоторых — нет. Но это ведь не значит, что они не ^tкокосы^t. И, с другой стороны, он заболевает от любого ^tюкоса^t.

Здесь *нам*, возможно, хочется сказать: "отдохнувший" язык *на самом деле* описывает кокосы и юкосы такими, *какие они есть*. Ведь слово ^tкокос^t для Крузо-2 соответствует своей экстенсией *нашему* "кокос", а наше слово всегда указывает верно. Но что не так с экстенсией ^tкокос^t? Мы думаем, что некоторые ^tкокосы^t — кокосы, но некоторые ^tкокосы^t — юкосы.¹⁰ Но что с того? Слова в каждом диспозиционно-смысловом языке Крузо-2 имеют разные области применения — они варьируются в относительно разных наборах, и в *этом* нет ничего неправильного.

Нам может хотеться сказать в ответ: множество наборов предметов, категоризированных на "отдохнувшем" языке Крузо-2, лучше согласуется с реальными между ними сходствами, а множество наборов, классифицированных на "уставшем" — хуже. И добавить: "отдохнувший" язык *сопоставляет* свои слова с действительно существующими естественными видами, а "уставший" — нет. То есть что множества кокосов и юкосов никак не вложены друг в друга.

¹⁰Возможно, пример следует немного разъяснить. Некоторые кокосовые пальмы заражены паразитической лозой, растущей внутри и на них и имеющей свои орехи. Крузо-2 в отдохнувшем состоянии может отличать эти орехи от принадлежащих пальме. Мы, конечно, понимаем, что юкосовое дерево — это и не дерево даже, но Крузо-2 *этого* не знает.

Здесь, однако, две проблемы. Первая: что дает нам право такое заявлять? Ее мы рассмотрим далее — особенно в Главе 4. Вторая: Крузо-2 в любом случае не имеет доступа к таким соображениям. У него есть *две* фразы: ¹‘настоящее’ сходство и ¹‘настоящее’ сходство. То есть каждый из его языков по своему реальные сходства характеризует. У Крузо-2 есть и две фразы, соответствующие нашей ”естественные виды”. С каких же слов помощью должен Крузо-2 объяснять идею ”более точного” отражения мира словами на одном языке, чем словами на другом.

Обратите внимание: это не значит (по крайней мере, *пока что*) нашу невозможность понять идею превосходства одного языка над другим в смысле соответствия миру. Мы ведь это и делаем, сравнивая экстенсии его слов с *нашими*. Вопрос вот в чем: как *Крузо-2* должен наделить для себя это различие содержанием, выходящим за рамки превосходства одного языка над другим в смысле ориентации в мире через информацию от грубых закономерностей?

Давайте пока отложим вопрос о нашем праве говорить о соответствии слов Крузо-2 миру через воображение значений за пределами обоих диспозиционно-смысловых языков — значений, свойственных языку Бога — языку, каждое слово которого, благодаря Его могуществу, относится к набору, содержащему только совершенно естественных видов представителей, и фраза ”естественный вид” в котором относится только к множеству таких наборов. (Не спрашивайте, как Бог заставляет этот язык так делать — он же Бог, и среди его сверхъестественных способностей есть и такая.)